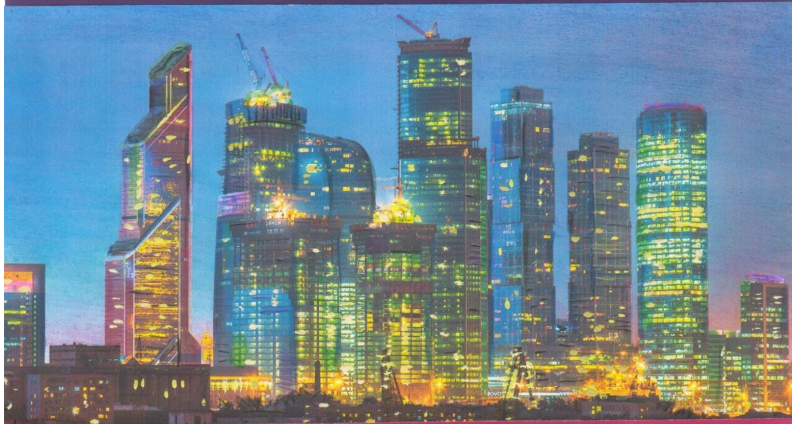

МИХАИЛ ПИНСКИЙ

БУДЕТ ДЕНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГОРОДСКОЙ РАСКАЗ

18+

Михаил Максович Пинский

Будет день. Городской рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36965000

SelfPub; 2018

Аннотация

В представленном сборнике рассказов вы найдёте и сказки для детей, и фантастику и юмор. И, конечно же, рассказы о любви. Потому, что по моему убеждению это основа (как выразился бы продвинутый «ботаник» – квинтэссенция) жизни человека во все времена и исторические эпохи. Без любви не было бы нашей планетарной цивилизации. Читайте. Я очень хочу, чтобы вам понравилось.... Ну, пусть и не всё. Пусть даже некоторые мои вещи. Я это искренне хочу. Ваш Михаил Пинский. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Афродита	4
1	4
2	13
3	15
4	17
5	22
Будет день	27
1	27
2	33
3	39
4	45
5	48
5	57
6	69
7	74
8	77
Муза	82
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Афродита

1

Эта солнечная девочка самое совершенное творение, произведённое на свет Создателем, вкупе с её родителями, которое я встречал в своей не совсем уж короткой жизни.

Её лицо обыкновенное и в то же время милое обаятельное. С нежным мягким овалом и бесподобной линией профиля. С очень умным проникающим в самую глубину тебя взглядом сражающих наповал серо-голубых глаз обрамлённых длинными ресницами. Когда девочка смеётся, в её глазах оживают весёлые озорные сияющие существа-звёздочки, посылающие миру свои яркие блистающие тёплые ни с чем несравнимые лучики. И эти лучики насквозь прошивают моё сердце, зажигая в нём огонь.

А какие у неё губы! В меру крупные. Что называется чувственные. Сохранившее ещё что-то детское, но уже сформировавшиеся в восхитительные женские. С чарующим притягательным контуром и своей, какой-то особенной, едва уловимой улыбкой, спрятанной в самых уголках губ. Нефертити и Мона Лиза Джоконда отдыхают. Её улыбка вообще не поддаётся описанию. Эта улыбка некое фантастическое феерическое захватывающее суперкайфовое зрелище. Так, на-

верное, улыбается Солнышко...

Её носик! Этаким, я бы назвал шаловливым: и не большой и не маленький, и не тонкий и не толстый, чуть курносенький, и весь в проказницах-веснушках, удивительно ей идущих.

Голова девочки с прелестной копной рыжеватых, слегка выющихся волос умело оформленной в стильную удивительно точно соответствующую её облику причёску восседает на грациозной шейке, которая, в свою очередь, покоится на обворожительных плечиках.

У неё идеальных форм чудесная умопомрачительная фигура. В этой фигуре соразмерны и пропорциональны все её части, отчего девочка смотрится потрясающе.

У девочки достаточно развитая, пленительной бесподобной формы грудь и тонкая талия.

Но доминантами её фигуры, несомненно, являются обалденно стройные длинные ножки и дивная попка. Данные «компоненты» её фигуры, вообще отдельная тема. «Песня песней». Таких изумительных очертаний ножек – в меру худеньких, и, в тоже время имеющих свой неповторимый восхитительный объём; особенно в верхней их части, у бёдер. И такой аппетитной совершенной умопомрачительной округлости попки нет ни у одной знакомой мне девочки. Это я, почти профессиональный художник, могу констатировать с полной ответственностью и знанием предмета.

А какая у неё походка! Нет, на первый взгляда в её поход-

ке не наблюдается ничего выдающегося экстраординарного тем более неестественно-заученного механического, как у дефилирующих красоток с подиумов. Подобно ей «передвигается» большинство девчонок. И, в тоже время её походка особенная, с секретом. Этот секрет заключён в совокупности «составляющих элементов». Красивой посадке головы. Прямой, что называется балетной спинке. Хорошо развёрнутых плечиках. И, конечно же, в сочетании этих «элементов» с самой лёгкой и пружинистой походкой. Когда она проходит мимо, уверенно и целеустремлённо переставляя одну за другой свои восхитительные ножки. В облегающих эти ножки, подчёркивающих их форму сапожках на высоких каблукках. Либо в изящных туфельках на таких же каблукках. Половинки её упругой попки обольстительно обтянутой коротенькой юбочкой или узенькими «в облипку» джинсами совершают некое ритмичное волнообразное движение; от которого моя кровь ускоряется и через весьма непродолжительное время приходит к своему логическому, так сказать, апофеозу, выраженному в скоростном бешеном темпе музыкального направления heavy metal; а, точнее, speed metal. Отчего в моей голове начинает долбить большой басовый (он же bass drum, он же турецкий) барабан.

Хочу заметить, что в этом ускорении моей бедолаги-крови нет ничего пошлого низменного вульгарного, как могло бы показаться малознакомому со мной, постороннему человеку. И, думаю, окажись я с ней в одной постели мне по-

надобилось некоторое время и огромные душевные усилия, чтобы поборов свои чувства настроиться на «рабочее состояние и исполнить свой долг». А всё потому, что это ускорение происходит от самых возвышенных, самых идеальных чувств моей «тонкой и высокой художественной натуры». Это истинная правда, я не стебаюсь...

Надо признаться, кровь в жилах при виде её начинает ускоряться не только у меня. За этой девочкой «ухлёстывает, приударяет и волочится», от неё «тащится and балдеет» немалое количество челов нашего вуза, не считая преподав мужского пола, включая даже самых древних. Но я, в отличие от львиной доли «собратьев по несчастью», реалист и не предпринимаю попытку взять эту совершенно неприступную крепость. Ещё раз повторяю, я реалист, и отлично осознаю всю тщетность и бесплодность подобных попыток, окажись даже в моём распоряжении весь стратегический арсенал нашего государства.

Почему? На эту тему у нас в институте существует такой анекдот. По коридору идут три девушки. С этими двумя можно – девочки без комплексов. А с этой бесполезно – девушка с искусствоведческого...

Так вот, эта девочка с факультета искусствоведения и мне с ней ничего не светит. На данном факультете «сосредоточены» сливки нашего учебного заведения. Или, как бы выра-

зились моя мама непростые девушки. Дочери крутых бизнесменов, крупных номенклатурных чиновников и маститых деятелей культуры. Этим девочек природа обделила непосредственными талантами в области изобразительных искусств... Но не идти, же им право слово в серенький не престижный вуз и провести потом всю жизнь в каком-нибудь убогом офисе в дурацкой должности менеджера или средненького технаря со «скучной» зарплатой. Или, скажем, лягушек всю жизнь препарировать. Брр... Да, и, потом, учиться в технических и всяких там экономическо-биологических так неинтересно, утомительно, сложно...

А искусствовед, перефразируя великого пролетарского писателя, «это звучит гордо».

Ну откуда, не существуй искусствоведов, художник узнал бы какой экспрессии у него удар кисти, насколько верно найдено цветовое решение полотна, выразителен колорит, правильно ли выстроена композиция, и какова изящная, причудливая пластика и динамика линий его произведения. Не существуй профессии искусствоведа, как бы художники определили кто из них Великий, кто Большой, кто Заслуженный, кто Маститый, а кто просто так – «погулять вышел». А не распределись искусствоведами художники веско и безоговорочно по ранжиру, простой художник, пожалуй, ещё захотел бы в Большие или совсем в Великие пробраться. Да ещё и драку затеял с товарищами по цеху за место под солнцем. Хорошо если этот «претендент» миниатюрист – опас-

ность не велика. Удар у подобного человека в силу специфики его профессии слабый и не опасный. А если он скульптор, привыкший всю жизнь твёрдый скульптурный пластик разминать и тяжёлой киянкой или кувалдой махать. Тогда всё, «труба» – кого-то можно и выносить...

А так, притопал наш искусствовед на выставку, где коллеги-художники вот-вот готовы в рукопашную пуститься. Прошёлся с умным видом мимо развешенных по стенам полотен, расставленных объёмов и замерших в ожидании его высочайшего вердикта братьев-художников. Бородёнку потерял (если мужик), очки в обалденно гламурной оправе поправил на симпатичном носике (коли дама). Хмыкнул для порядка. И распределил всех по ранжиру. И наступили в Королевстве Искусств мир и порядок...

И, потом, быть искусствоведом супер престижно. Всякие тебе выставки, рецензии в глянцевых журналах, крутой богемный тусняк и всё такое... А какая тусовка без очаровательных девчонок – пьянка, не более.

Я думаю, что именно по этим причинам девочки «из приличных семейств» и собрались на данном факультете. Нет, на факультете учатся и некоторое количество представителей сильного пола. Но это так, как говорить о печальном случае, ошибка природы...

Девушки с искусствоведческого факультета держаться от нас, всех прочих «чернорабочих искусства» особняком. Не

то чтобы они высокомерно избегают общения, игнорируют нас. Такого нет. Всё в рамках приличия и внешне, со стороны у нас «мир, дружба, жвачка». Эти девушки, как Павел Петрович Кирсанов – дядюшка приятеля Жеки Базарова из известной повести Тургенева о папах и их отпрысках в своих душах большие либералы и демократы (возможно, правильной либералки и демократки). Но это в душах, в самых скрытых и потаённых глубинах их недр. Поэтому наше общение начинается и заканчивается в стенах альма-матер. За его пределами, сделав всего несколько шагов по ступенькам лестницы и оказавшись на институтской парковочной площадке, эти милые симпатичные умные компанейские девочки, точно по воле заколдовавшего их злого чародея превращаются в бездушных холодных незнакомок. Этаких Снежных Королев. Снежные Королевы не отрывая свои царственные ушки от мобильных безлико-обобщёно машут нам в знак прощания своими венценосными ручками, занимают места в дорогих умопомрачительных авто и уезжают прочь, в свои сказочные квартиры, дворцы и замки в элитных кварталах, районах города и загородных коттеджных посёлках.

А мы – вся прочая институтская братия топаем к метро, остановкам общественного транспорта и разъезжаемся кто куда. Счастливики из местных к себе домой; многие, особенно пары, на съёмные квартиры; «варяги», подобные мне в нашу институтскую общагу с высокопарным названием «Дом искусств». Всё как в реальной жизни. У каждого

под солнцем своё, отведённое ему – в силу жизненных обстоятельств, либо приложенных усилий, достижений предыдущих поколений – место...

Эта солнечная девочка была моей Музой. Моей тайной недостижимой Музой. Моим идеалом.

Знакомые с историей человечества подтвердят, у каждого серьёзного творца имелась своя Муза.

Вспомните Эвридику Орфея, Галатею Пигмалиона, Лауру Петрарки, Беатриче Данте, Смуглую Леди сонетов Шекспира, Полину Виардо-Гарсия Тургенева, Маргариту Мастера и так далее, до бесконечности.

Моей Музой является эта девочка с искусствоведческого и никакие обстоятельства, впечатления, подружки не могут пошатнуть в моей душе её пьедестал. Наоборот, пьедестал, на котором в моём сердце покоится её трон, создан из самого прочного во всей вселенной важнейшего на нашей планете материала, название которого состоит из шести букв, начинается на букву «л», а заканчивается на мягкий знак. В моём случае название этого материала имеет перед собой ещё одно слово-сателлит: неразделённая. И для меня это впереди стоящее слово никогда не исчезнет из данного словосочетания. Оно там покоится незыблемей египетских пирамид. Такова жизнь, как говорят французы. Или, как выразились бы в древности, такова моя планида. Всё дело в том, что мы с моей Музой живём в параллельных мирах – у фантастов есть

такое понятие. Со стороны кажется, что мы совсем-совсем рядом, близко-близко и можно легко коснуться друг друга рукой. Но это иллюзия, блеф, самообман. Её мир параллелен моему. И, уверен – напомним, я реалист – они никогда не пересекутся. Не существует в природе силы способной изменить ход вещей, заставить их пересечься...

Но это не мешает мне считать солнечную девочку своей Музой...

2

Сегодня первой лекции «по техническим причинам» у нас нет – отсутствует препода – и мы всей группой сидим в пустом фойе у фонтана и балдеем. А точнее занимаемся своими делами. Кто-то болтает по телефону, кто-то дремлет после ночного гульбария, кто-то запоздало штампует недостающие для следующей сдвоенной пары (рисунка) домашние наброски. Я царапаю в альбоме всякие каракули, бесплодно силясь «родить» тему для курсовой работы. Срок сдачи поджигает и приближается к критичной отметке, а я ещё даже с темой не определился...

Она появилась в фойе неожиданно – занятия уже давно начались. Она разговаривала по телефону и на её прелестных губах нежилась в кайфе её очаровательная улыбка.

Она, ни на кого не глядя, быстро двигалась в нашу сторону. Проходя мимо фонтана, на короткое мгновение остановилась. Машинально, не прекращая разговаривать, чуть наклонилась, и грациозно приблизив к струе восхитительную ручку, как-то мягко и нежно коснулась воды пальчиками. Самыми их кончиками, подушечками...

У меня перехватило дыхание. Я застыл, замер, оцепенел, точно получил в уличной драке нехилый удар в солнечное сплетение.

Этот её чарующий жест, и этот умопомрачительный изгиб её наклонившейся к воде фигуры... подсказал мне... тему моей будущей курсовой. Я напишу Афродиту, рождённую из пены морской.

И тут я в малейших деталях увидел композицию будущего полотна и постиг его главную идею.

Это должен стать апофеоз красоте. Апофеоз божественному, что заключено в каждой женщине, за некоторым исключением. Нужно только взять за труд суметь разглядеть в них эту божественную сущность...

3

...Неужели я её закончил!?

Точнее, я полностью завершил фигуру Афродиты. Её фигуру, которую я помнил, знал до самых мельчайших подробностей: форм, деталей, чёрточек. Теперь осталось дописать лишь небольшие фрагменты неба, «добить» облака, более «внятно» прописать волны, пену. И можно сдавать...

Я стоял и критически оценивал работу. Конечно, я отмечал её недостатки, главным из которых являлась некоторая этюдность, поверхностность в изложении. Естественно, я мог, затратив определённое время всё довести до ума, но делать это не стал. Во-первых, с тщательностью проработки, «ретушированием», могли исчезнуть лёгкость естественность и некий, несомненно, теперь присутствующий работе шарм. Точность и выверенность мазка могут убить в ней мою душу, мою страсть. Но, пожалуй, самое главное, у меня почти не остаётся времени на серьёзную доработку. Я уже получил два «китайских предупреждения» и доводить дело до третьего с «взрывоопасным» Борисом Валентиновичем, нашим куратором является делом крайне рискованным.

Впрочем, на мой взгляд, этюдность здесь органично соответствует самой идее. Море только-только создало Афродиту. Оно ещё не отпустило совсем богиню, пальцы которой касаются морской пены. Море – стихия необузданная

неуправляемая изменчивая дерзкая жёсткая, можно сказать грубая – сотворило совершенство грацию богиню. Грубое создало прекрасное. Фигура богини написана качественно. Всё остальное можно трактовать, как стилистический приём. Стопудовый зачёт с хорошей оценкой обеспечен...

Сие событие следует отметить. Не откладывая дело в долгий ящик, звоню ребятам и предлагаю программу вечернего «культурно-массового мероприятия». Парни горячо поддерживают моё предложение, девочки «в экстазе»...

4

Полотно я всё же успел повесить вечером, накануне просмотра. Мне отчаянно не повезло с экспозиционным местом. Пока я «копался»: определялся с темой, работал над «Афродитой», все наиболее выигрышные, в плане освещения, места успели забить более расторопные «братья по оружию». Утром, если не появиться яркое солнце мой спаситель, в этом закутке освещение делается ужасным, точнее никаким и «Афродита» просто не станет смотреться. Померкнет, потемнеет и пропадёт... В общагу я отправился в унылом расположении духа и с дурным предчувствием надвигающегося грандиозного провала...

Мои волнения оказались напрасными. На утреннем, без единого облачка небе, в гордом одиночестве царствовал ослепительный Феб-Аполлон...

Признаюсь, мне было не по себе. Как примут «Афродиту»? Если честно, далеко не все мои сокурсники встретили её с восторгом. Точнее, значительное меньшинство. И то, в основном девчонки. У большинства парней она пиетета не вызвала. Правда, «Афродиту» отметил Валентиныч. Он долго рассматривал работу, потом пожал мне руку и похлопал по плечу, что для меня является равноценным получению Нобелевской премии вкупе со всеми существующими пре-

миями мира...

Вот наконец-то прозвенел звонок на перемену и «народ» пошёл, как, некогда, в эпоху социализма на демонстрацию. Удивительно как наша институтская братия любит подобные мероприятия – хлебом не корми, дай на что-нибудь посмотреть. И никакие смартфоны и айфоны вкупе с «нетом» не конкурируют...

...Тем временем зал наполнялся, но до появления высокого жури делать здесь было нечего, и я отправился в фойе, выпил кофе, поболтал с ребятами и возвратился в зал.

Я сразу заметил её. Она стояла со своей сокурсницей темнокожей красавицей, которую в институте называют Чёрная принцесса. Эти две богини стояли возле моей «Афродиты» и обсуждали её! Три грации в одном зале сильно. Почти как у великого Боттичелли...

Стараясь оставаться незамеченным, я подобрался поближе к девушкам...

– ...Считаю, полная чушь. – Вынесла она свой уничижительный вердикт. И у меня под ногами закачалась земля.

– А, по-моему, ничего. Выразительно. Композиция отличная и фигура написана великолепно. Какая естественность и пластичность её движения. А какие у неё пальчики! С ума сойти...! А, как написано небо, освещённые солнцем облака, море, волны, пена... И идея кажется присутствует. – С неко-

торой надеждой для меня возразила ей Чёрная принцесса. – И, вообще, в целом смотрится классно. И модель красивая... Слушай, мне кажется, она на тебя очень похожа. – Принцесса «отсканировала» её критическим взглядом и лукаво произнесла. – Точно, вылитая ты. Всё твоё. И ножки, и лицо, и ручки и... всё остальное. И даже ладони, пальчики точь-в-точь твои... Признайся, ты случайно автору не позировала. Ага, покраснела! Покраснела! Попалась девочка. Ха, ха-ха. – Торжествуяще рассмеялась Принцесса.

– Вот ещё. Глупости. Полная чушь. Никуда я не попала. Скажешь тоже. Мне больше делать нечего, как позировать всяким «любителям древностей». Тем более обнажённой. Особенно для такого «выдающегося шедевра». – Гневно пресекла она Принцессу, и земля... под моими ногами... уже... куда-то... плыла. – Тема, «сама гениальность». Ну, причём здесь Афродита, греки древние? Кому сейчас нужна Афродита? Что других тем нет? Написано неплохо, не спорю. Но это единственное достоинство сего с позволения сказать «произведения». Я вообще не понимаю, как деканат допустил к курсовой подобную дурацкую тему. Стопроцентная дикость и бред...

Мир рухнул. Солнце, ещё минуту назад ослепительно тепло и торжественно заливающее сияющим ярким светом огромные окна зала испугано спряталось куда-то. Всё вокруг сделалось тёмным мрачным и тусклым...

ОНА

ТАК НИЧЕГО

И... НЕ... П-О-Н-Я-Л-А!..

НЕ СМОГЛА!.. НЕТ, НЕ ЗАХОТЕЛА ПОНЯТЬ!

ТОЧНО... НЕ ЗАХОТЕЛА... ОНА ПРОСТО НЕ ЗАХО-

ТЕЛА ПОНЯТЬ!

НЕ ЗАХОТЕЛА ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ТРУД СОВЕРШИТЬ РАБОТУ ДУШИ И ПОНЯТЬ МОЮ «АФРОДИТУ»...

А может, у неё и нет души вовсе? Как может скрывать-ся под такой ангельской внешностью такое чёрствое ледяное сердце!? И какое отношение может иметь к искусству человек с таким «бронированным пуленепробиваемым» сердцем? Какое чудовищное несоответствие внешнего и внутреннего.

Я был раздавлен, смятён, распят. Моя божественная солнечная Муза оказалась холодной ужасной безобразной Горгоной. Существом из Зазеркалья – жуткого бездушного параллельного антимира.

Весь остаток этого дня я помню смутно. Помню, что «брёл куда глаза глядят». Помню второсортную забегаловку неподалёку от нашей общаги. Помню каких-то пацанов-строителей и их весёлых разбитных девчонок. Пили много. Чересчур много. Помню, что пытался заняться любовью с какой-то «готовой на все услуги» девчонкой прямо на столе заведе-

ния. Потом ничего не помню...

Сегодня впервые после выставки я собрался с силами и поплёлся в институт. И надо же случиться такому гипертрофированному невезению прямо с порога (в фойе) я попался на глаза Валентинычу, от которого услышал о себе «много лестного». Борис Валентинович пребывал вне себя от ярости. Он «с пафосом и гневом» принялся клеймить меня и в конце своей пространной тирады объявил, что это «моей «высокой персоне последнее китайское предупреждение». Дальше «за подобные художества» последует отчисление. Я уныло ответил, что вина моя стопудовая, оправдываться не стану, вилять и юлить не имею привычки, и руководство кафедры поступит правильно, если отчислит меня.

– Эх, друг мой, ну что ты творишь. – Как-то тепло и сочувственно произнёс Борис Валентинович и потрепал меня по плечу. – Ты себя давно видел? Наверное, давно. В то время, когда ещё чего-то соображал... Хм, «ну и рожа у тебя Шарапов». Ну и рожа... В общем, друг мой ситный, давай, приходи в себя, потом побеседуем. Так вести себя нельзя. Ты ведь талантливый человек, а катишься, чёрт знает куда... Ладно, ступай в аудиторию... – Расстроено махнул рукой Валентиныч. – Постой, совсем забыл, после занятий зайди, заведи свою «Афродиту» она единственная сиротливо пылится в зале. Смотри, не забудь.

Господи, как же невыносимо медленно капля, за каплей истекая бесконечными секундами минутами часами тянулся для меня этот день. Но всё когда-то кончается, закончился наконец-то и он. Я поплёлся забирать курсовую...

Я вошёл в зал... и увидел её. Она! Стояла! И рассматривала мою «Афродиту»!

Но теперь мне стало на это наплевать. Мне больше не было никакого дела до этой холодной бездушной куклы Барби в облике ангела. Я подошёл, равнодушно отстранил её, молча, снял со стены полотно, и принялся его упаковывать. Она неожиданно как-то тепло коснулась моей руки и попросила разрешения ещё раз взглянуть...

СКАЗАТЬ, ЧТО Я БЫЛ УДИВЛЁН, НИ СКАЗАТЬ НИЧЕГО!!!

– Ты знаешь, это самая лучшая работа на выставке. Она мне очень понравилась. Правда.

– И даже тема. – С сарказмом и нескрываемой издёвкой произнёс я.

– Тема. Ты имеешь в виду Афродиту? Богиню?

Я, молча, кивнул.

– Видишь ли, мне кажется, я поняла идею твоей «Афродиты». Ты хотел сказать, что все женщины, девушки богини.

Надо только суметь разглядеть это божественное. Ведь, верно?

Я СМОТРЕЛ НА НЕЁ, В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ВЫТАРАЩИВ ГЛАЗА. МОЕМУ УДИВЛЕНИЮ НЕБЫЛО ПРЕДЕЛА. ОНА СОВЕРШЕННО ТОЧНО СФОРМУЛИРОВАЛА МОЮ ИДЕЮ. НЕВЕРОЯТНО, ОНА!.. ВСЁ!!.. ПОНЯЛА!!!..

– Но ты же сама говорила, что «Афродита» полный ма-разм. Тема стопудовая чушь, дикость. Что теперь никому не нужны никакие богини. Удивлялась, как только эту тему допустил деканат. – Ошеломлённо выдавил я.

– Ты, наверное, слышал наш разговор с Тагишей!?

Весело рассмеявшись, как-то очень-очень тепло, спросила-констатировала она. Она подошла ко мне вплотную, заглянула в глаза и в её колдовских глазах мирно и даже дружелюбно по отношению ко мне резвились такие знакомые шаловливые солнечные непоседы-звёздочки.

– Ты неверно всё истолковал. Я просто не хотела давать повода Тагишке. Она такая болтушка, фантазёрка. Ещё на-воображала бы всякого, и потом растрепала всем..., ну, что я тебе позировала обнажённая и так далее... Твоя картина классная, чудесная. Твоя Афродита и обыкновенная девушка, и, одновременно настоящая богиня. Она красива, но красива естественно, без пошлой мещанской милоты и глянца.

Эту красоту создало море, природа. Создало для счастья, потому что каждая женщина, даже богиня, я уверена, мечтает быть счастливой... Тебе удалось передать в Афродите самое главное в женщинах... Знаешь, я всё время после просмотра вспоминаю твою Афродиту.

НУ, И ПОЙМИ ПОСЛЕ ЭТОГО ДЕВУШЕК!!!

Я потрясенный и смятённый протянул ей холст.

– Дарю. «Афродита» твоя. Курсовую оценку я уже получил. А в общаге ей «быстро приделают ноги» или испортят. У нас это запросто. До первого серьёзного гульбария.

Она как-то просто и очень естественно взяла «Афродиту». А потом...

ОНА

ПРИ-БЛИ-ЗИ-ЛА

СВОЁ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЕ ЛИЧИКО И НЕЖНО-НЕЖНО,

КАК МЕНЯ НИКОГДА НЕ ЦЕЛОВАЛА НИ ОДНА ДЕВОЧКА, ПОЦЕЛОВАЛА В ГУБЫ!

И я потонул, растворился, погиб, распался на мириады своих молекул и атомов в этом волшебном, ирреальном, восхитительном, сладостном, безмерно кайфовом, бесконечно желанном её поцелуе. И в моё сердце ворвались, беспредельно заполнив его солнце тепло и счастье. Огромное, непостижимо бескрайнее, как галактика, вселенная, космос СЧА-

СТЬЕ!!!

– Давай пойдём, посидим где-нибудь. – Ласково предложила она.

**НЕУЖЕЛИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ ВСЁ ЖЕ ПЕРЕ-
СЕКАЮТСЯ? И НЕУЖЕЛИ СУЩЕСТВУЕТ В ПРИРОДЕ
СИЛА, СПОСОБНАЯ ЗАСТАВИТЬ ЭТИ МИРЫ ПЕРЕ-
СЕЧЬСЯ!?**

Будет день

1

Я проснулся от невыносимой чудовищной духоты. Задышавшись. Со сна не сразу сообразил, что просто её волосы закрыли моё лицо «перекрыв кислород».

Совершенно разбитый я выбрался из постели, подошёл к окну, настезь распахнул его и долго стоял, приходя в себя, вдыхая свежий и прохладный предрассветный воздух. Машинально взглянул на часы – моё пребывание в садах Морфея длилось немногим более двух часов...

Я стоял у кровати и любовался ею.

Она спала на животе. Чуть разведя в стороны очаровательные ножки с как-то трогательно и мило вытянутыми вперёд маленькими ступнями; разбросав ручки вдоль восхитительного тела, практически сформировавшегося обворожительного тела взрослой женщины, при этом ещё сохранившего едва уловимые черты милой девичьей угловатости; и мне снова, неудержимо дико захотелось её.

Я склонился над ней и, отодвинув в сторону волосы, принялся целовать шейку, плечи, ручки, спинку. Я словно зомби покрывал поцелуями каждый сантиметр её такого желан-

ного тела, но она даже не пошевелилась. Я спускался всё ниже и ниже. Никакой реакции. Оказавшись на попке, я слегка, ласково прикусил одну из её таких аппетитных ягодичек. Она словно лягушка Павлова едва заметно дрыгнула ножкой, но продолжала крепко спать. Я теперь уже ощутил укусил вторую ягодицу – другая ножка дёрнулась несколько сильнее, и не более. Тогда я укусил уже чувствительней. Она зашевелилась, во сне перевернулась на спину. Я покрывал поцелуями её шею, плечи, грудь, животик...

Она неожиданно проснулась, горячими со сна ручками притянула мою голову к своему лицу и стала ласково и одновременно пылко целовать меня...

И всё повторилось, как и ночью. Только теперь по ощущениям это сделалось чем-то другим. Дикая неудержимая страсть отошла на второй план, её сменила нежность. Надо признаться что такого я не испытывал ни с одной из моих подруг. Казалось, что мы знаем друг друга целую вечность. Я на каком-то интуитивном подсознании чувствовал, что хочет она и в тоже время она делала то, что хотел от неё я...

Потом мы лежали, обнявшись, и она целовала меня, а я целовал её...

А потом в дверь настойчиво и громко постучали. Дверь бесцеремонно распахнулась – я едва успел набросить на себя одеяло; Анечка даже и пальчиком не пошевелила, чтобы прикрыться – и на пороге появилась Елена, моя дочь.

– Ромео and Джульетта, вы вставать собираетесь? Между прочим уже девять. Если ты папочка в пылу любовной страсти ещё не забыл, сегодня мы приглашены на юбилей к дяде Серёже. Так что дорогие мои влюблённые у вас совсем немного времени, чтобы собраться и попрощаться. – Ехидно и безапелляционно выдала Ленка, нисколько не таясь, откровенно оценивая рассматривая Анечку.

– Леночка, а принять душ у меня есть время? Надеюсь, ты уже достаточно взрослая и понимаешь, что после ночи с мужчиной женщина должна привести себя в порядок. – Не замечая Ленкиного ехидства, точнее игнорируя его, с некоторым вызовом спросила у дочери Анечка. Ленка, заметно стушевавшись, великодушно разрешила. Более того она сказала что даже готова покормить Аню, а заодно уж и меня.

– Анечка, я в ванную, чур, за тобой. А пока приберусь в комнате. – Несколько сконфуженный произошедшей сценой и, не желая теперь оставаться наедине с дочерью поспешно «подал голос» я.

Анечка, даже не сделав попытку что-либо накинуть на себя, совершенно голая отправилась за Ленкой в ванную, а я оказался один в сразу как-то опустевшей комнате и только едва уловимый запах её парфюма, тела и тепло постели остались со мной коротким ускользающим напоминанием об этой волшебной ночи...

– Анечка, ты будешь чай, кофе?

– Леночка, если можно кофе.

– А ты, Ромео?

Я буркнул что тоже, как все буду кофе.

Оказывается дочь уже успела приготовить яичницу, которую мы с Анечкой проголодавшиеся за ночь, словно волки зимой уничтожили в мгновение ока. Ленка достала из холодильника торт, сыр, ветчину, масло, хлеб, сделала бутерброды, налила нам кофе, и я, не утолив до конца голод яичницей, с новыми силами набросился на всё это великолепие.

– Анечка, как тебе понравилось у нас? – Манерно, голосом светской дамы проворковала Ленка.

– У вас замечательно. Мне очень понравилось.

– Даже не сомневаюсь Анечка. Всем папиным подружкам у нас нравится. А ты знаешь, Анечка, сколько здесь перебывало папиных подружек за тот год, что я с ним живу? Со мной в классе, да что в классе, столько девочек не учится. Правда, потом почему-то я этих девушек у нас больше никогда не вижу. Наверное, папа с ними плохо ведёт себя. Папа вообще в последнее время стал очень плохо вести себя. – Язвительно, нескрываемым «камнем в мой огород» заметила дочь.

– Леночка, ты ошибаешься. Твой папа ведёт себя хорошо, очень хорошо. У тебя очень хороший папа. Я бы хотела, чтобы у меня был такой папа.

– Анечка, а ты его усынови. То есть..., не знаю, как выразиться... В общем, ты меня поняла. Думаю, папуля будет

просто счастлив.

Эти пигалицы сидели и обсуждали меня, словно я находился не рядом с ними, а на Луне, или являлся неодушевлённым предметом, присутствие которого можно и вовсе в расчёт не брать. Я чувствовал крайнюю степень «завода» дочери, хорошо представлял, во что это её состояние для меня может вылиться, и вынужден был безропотно терпеть.

– Леночка, ты знаешь, это отличная идея. Надо подумать.

– Анечка, подумай. Только думай не долго. А то его усыновит какая-нибудь другая девушка пошустрее тебя. Например, очередная клубная подружка. И у тебя не станет такого замечательного папы.

– Леночка, твой папа действительно замечательный. И я тебе завидую. Честно.

– Ага, замечательно резвый старичок.

– Никакой он не старичок! – К моему удивлению резко пресекла Ленку Аня. – Не смей так говорить! Слышишь, не смей! Он самый лучший. А ты маленькая дура и эгоистка. Ты должна радоваться за отца, а не ёрничать, как это делают мелкие пошлые и подлые людишки. Недалёкие... нет, тупые, злобные мещане.

Анечка порывисто вскочила из-за стола, холодно поблагодарила Ленку за завтрак и направилась к двери. Я, в растерянности и некотором смятении поспешно двинулся следом.

Я заметил, что и дочь растеряна не меньше моего, и, даже – небывалый случай – кажется, смущена.

– Ты мне позвонишь? – Я хотел ответить, что непременно, но Анечка неверно истолковав мою попытку, поспешно прикрыла мне рот ладошкой и страстно прошептала. – Ничего не говори. Ты никакой не старый. Мне ни с кем не было так хорошо, как с тобой. Я буду ждать твоего звонка, когда бы ты ни позвонил. Слышишь, буду ждать.

Лифт приехал. Дверь с тихим шорохом распахнулась. Анечка в последний раз порывисто поцеловала меня и шагнула внутрь.

– Я буду ждать! Позвони! Позвонишь?

Уже из-за практически закрытой двери услышал я её голос, и лифт двинулся вниз, унося от меня Анечку ...

2

– Ну, и где ты подцепил её? Надеюсь не в баре? Впрочем, на твоих подружек из баров она не похожа. Если честно, Анька мне понравилась. Правда. Она умненькая, это сразу видно. Не то, что твои безмозглые куклы. Орут всю ночь так, словно ты им не удовольствие доставляешь, а пытаешь. Мне даже во дворе появляться стыдно. Тётя Вера, ну, соседка из смежной квартиры, как-то спросила меня, неужели ты разрешаешь мне в таком возрасте заниматься сексом. Прикидываешь? И очень удивилась, когда я ответила ей что это не я, а ты в таком возрасте занимаешься сексом, не спрашивая у меня разрешения.

– Леночка, детка, переведи пластинку, я же за рулём. И практически ночь не спал. – Взмолился я.

– Ты не спал ночь! – Взвилась дочь. – Ты не спал ночь! Что ты говоришь!?! Можно подумать, что я тебе мешала. Это Анька мешала тебе спать, как спят по ночам все люди.

Я хотел было возразить, что ночью, когда мужчина и женщина вместе не спит как раз таки подавляющее большинство людей. Но решил воздержаться. Если дочь входит в раж, с ней лучше не связываться – мёртвого достанет.

– Ты знаешь папа, скажу тебе честно, я всё больше понимаю маму. С таким мудаком как ты женщина жить не может и не должна. И мама совершенно правильно ушла от тебя к

Марику. Он нормальный человек без всяких заскоков.

– Леночка, мама ушла к Марку не потому, что он как ты выразилась нормальный человек без заскоков, а потому что он очень обеспеченный, а точнее богатый человек. И ты это отлично понимаешь. – Несколько раздражённо возразил я дочери.

– Нет, папа, дело не в деньгах, а в том, что Марику в голову не придёт вести себя, как ведёшь ты.

– Ты имеешь в виду Аню?

– Нет. Я ничего не имею против Аньки. Она хорошая девушка. И, кажется, влюбилась в тебя. Я говорю о другом. О твоей жизни, твоём поведении вообще. О клубах и барах, из которых ты не вылезашь со своими бесчисленными приятелями. О твоих бесконечных подружках на одну ночь. Удивительно, как ты от них ещё чего-нибудь не подцепил. А, если ты не знаешь, я тебе расскажу. Есть такая болезнь, называется СПИД. Передаётся, между прочим, половым путём. От неё умирают, потому что пока лечить не научились. Я говорю и о твоей «высокооплачиваемой» работе. Ты столько лет пашешь на дядю Диму, а по-прежнему главный инженер. Ты всю работу тянешь в его фирме за копейки, а дядя Дима квартиру за квартирой покупает... Пожалуйста, не возражай. Я это знаю. Всё уже понимаю, не маленькая. Я говорю и твоей дурацкой музыке. Папа, ты можешь мне назвать хотя бы одного своего знакомого в твоём возрасте играющего такую музыку для сопливых дебилоидных пацанов? Со мною

и во Франции и здесь твои металлисты учились и учатся – придурки конченные. Мне кажется, что тебя вообще кроме этой музыки в жизни по-настоящему ничего не интересует. Даже твои девки... Папа, ты умный человек. Думаю, намного умнее Марика. Но сравни сам кто Марик и кто ты. И как живёт Марик и как ты. Ты даже нормальный ремонт себе не можешь позволить сделать. Мне подруг к нам в дом стыдно приводить. Живём, словно в пещере. Я помню обои в своей комнате ещё с детства. Только твоей Анечке у нас нравится. Да и то потому, что кроме тебя она ничего вокруг не видит... Папа, где ты её подцепил? Только честно.

– Мы познакомились в торговом центре. Ну, в том, что на углу, возле метро. Аня там работает в книжном отделе. – Честно ответил я дочери.

– Папа, с каких это пор ты посещаешь книжные отделы!?! Я тебя ни разу не видел читающим книги. Ты всё больше из интернета не вылезаеть.

Ленка казалась искренне удивлённой. Я торжествовал. Конечно, я не стал рассказывать дочери, что попал в книжный, в общем-то, случайно – нужно было сделать подарок товарищу, задвинутому книгоману. Не стал я рассказывать и о том, что это произошло больше месяца назад. И что мы с Анечкой встречаемся, правда до этой ночи только платонически, практически с начала нашего знакомства. Зачем расстраивать ребёнка. Я несколько свысока лишь заметил дочери, что она вообще меня не знает.

– Брось папа. Это Анька тебя не знает, поэтому и влюбилась. А я за этот год, что живу с тобой, узнала тебя «как облупленного». Хочешь я скажу тебе почему ты тусуешься со всякими малолетками?

– Ну, и почему же? – Мне было интересно узнать, что думает дочь, и я пропустил мимо ушей уничижительное «малолетки» применительно к моим подругам, возраст большинства из которых уже давно перевалил за юношеский.

– Потому, что ты не способен на обычную семейную жизнь с взрослой женщиной.

– Ты кого подразумеваешь под взрослой женщиной?

– Да хотя бы Инну Анатольевну. Я же вижу, как она на тебя смотрит. Так же, как твоя Анечка. Понятно, что она в тебя мудака тоже влюблена. Ты её столько лет знаешь. Почему не женишься? Инна, женщина супер. И умная и красавица. На неё даже молодые ребята засматриваются. Я сама замечала это не раз, когда в магазин с ней ходила. Ты, папа мудак.

– Леночка, во-первых, мне не нравится, когда ты ругаешься. Я тоже владею матом, но никогда ведь при тебе его не использую. А что касается Инны... Видишь ли, Инна очень хорошая женщина, не отрицаю, и знакомы мы целую вечность... Но, понимаешь какая штука, она мне не делала предложение...

– Папа, перестань выёживаться, дебила из себя корчить! – Взвилась Ленка. – Предложение должен делать ей ты, мудак, а не она тебе! Ты папа совсем оуел!

– Елена, ещё раз прошу, прекрати ругаться матом или я высажу тебя из машины. – Я начинал заводиться. – И если хочешь знать, мы с твоей Инной миллион лет время от времени спим вместе. И мне с ней, как с женщиной, хорошо. Правда, не так, как с Анечкой. Хотя намного лучше, нежели со многими другими женщинами... Но, видишь ли, она ни разу не попыталась изменить характер наших отношений. Узаконить их, что ли. Полагаю, они её устраивают полностью. Она не связана никакими обязательствами передо мной. Может встречаться с другими мужчинами. А их у неё куча. Некоторых я даже знаю. Инна из тех женщин, которым нужны постоянные победы над мужчинами. Думаю, для неё это такая форма самоутверждения. Без этого её жизнь теряет ощущение смысла остроты и праздника. Особенно, когда тебе давным-давно за тридцать. Молодость ушла безвозвратно, а с ней естественная свежая красота. Да, ты всё ещё нравишься мужчинам, потому что поддерживаешь себя в форме, ярко и со вкусом одеваешься, умеешь обратить на себя внимание. Но, с годами это становится делать всё труднее и труднее... Я думаю, что Инна меня действительно любит. Но по-своему.

– Это как? – Ленка казалась искренне заинтригованной.

– Понимаешь, я для неё нечто вроде иконы, которую она сама для себя и сотворила много лет назад. Когда мы были молоды. Когда я начинал свой бизнес и шёл в гору, и когда она являлась всего лишь одной из моих сотрудниц и самой

близкой подругой Марины. Но тогда рядом со мной находилась твоя мама и для меня никаких других женщин для серьёзных и длительных отношений не существовало. А я, к своему несчастью, оказался нужен Инне. Сначала, как недосягаемая и не покорённая ею вершина. А, со временем она из меня сделала для себя некий возвышенный идеал, икону. Вот она на эту икону молится, пылинки с неё сдувает, а за иконой настоящий живой человек, то есть я сегодняшний ей не нужен. Когда ей хочется со мной переспать, она вспоминает обо мне – что в последнее время, признаться, происходит всё реже и реже. А потом исчезает из моей жизни, напроочь забыв о моём существовании. А вот Анечка всё время, с тех пор, как мы встречаемся, мне эсэмески по несколько раз на день шлёт. И знаешь какие? Просто улёт.

– Папа, ну так женись на Аньке. Она кажется, в тебя втюрилась конкретно. Мамой она мне конечно не станет. Мама у меня, сам знаешь, есть и другой мне не надо. Но как старшая сестра она меня вполне устраивает. Будет с кем посоветоваться, поговорить. Анька, девушка умная.

– Женись, ты тоже сказанула.

– А что. Может у вас ещё и дети родятся... Слушай, пап, а кем я стану твоим детям? Тётей?

– Ты им станешь старшей сестрой-болтуньей. – Рассмеялся я и обнял дочь. Ленка прижалась ко мне и поцеловала в щёку.

3

На Аминьевке произошла серьёзная авария. В маршрутку воткнулся грузовик, а в него ещё куча – не меньше десятка – машин. Все полосы перекрыли автомобили полиции, кареты скорой помощи. Я опаздывал на работу. Опаздывал безнадёжно – такая авария способна остановить движение на час. И объехать пробку, вырваться из неё на этом участке не представлялось никакой возможности. А, как назло, именно сегодня утром к нам должны приехать партнёры с предложением об очень крупном заказе, и моё участие в переговорах являлось обязательным. Делать нечего, я позвонил своему шефу и другу – директору нашей компании Диме, Дмитрию Михайловичу и объяснил ситуацию. Оказалось он тоже торчит в этой пробке... Но, самое смешное, в пробке «куковали» и наши многоуважаемые партнёры.

– ...Вот такое у нас к вам предложение. Дмитрий Михайлович, конечно, мы понимаем, что ваши сегодняшние производственные мощности ограничены и не смогут позволить выполнить весь объём в определённые генподрядчиком сроки. Но у вас есть время для ускоренной модернизации производства. Тем более что резервы для этого у вас имеются. Как вы сами понимаете заказ серьёзный и финансирование не детское. – Вилен закончил и посмотрел сначала на Диму,

потом на меня. – Игорь Олегович ты что думаешь? Возьмётесь?

Я честно ответил, что пока у меня решения никакого нет. Нужно всё обдумать, посчитать.

– Хорошо, думай, считай. Время терпит. Я уверен Игорь, что такому профессионалу, как ты нескольких дней станет достаточно. А потом мы снова вернёмся к этому разговору. – Согласился Вилен. – Напоследок хочу сообщить следующее. Если вы за этот объект возьмётесь, впереди у меня ещё несколько таких же заказов и даже крупнее...

– Игорёк надо заказ брать любой ценой. Сам слышал, какие перспективы открываются. – Возбуждённо произнёс Дима после того как Вилен «откланялся» и по горящим глазам своего друга я понял что он уже мысленно считает дивиденды. Это меня по-настоящему разозлило.

– Что ты говоришь!? Взяться за такой колоссальный объём пусть даже и однотипных дверных блоков с унифицированным набором деталей и единой технологией изготовления! Дима, скажи мне на каких мощностях и на каком оборудовании ты собираешься эти объёмы осваивать? У нас, в нашем убогом цеху? Ты же сам инженер и прекрасно понимаешь, что для того чтобы выполнить технические условия генподрядчика нужен крупный цех с технологическими линиями раскроя металла, полуавтоматическая сварочная линия, подготовительная линия под отделку, укомплектован-

ный оборудовани­ем крупный отделочный участок и так далее. Сколько раз я тебе талдычил, что надо развивать и оснащать производство, но у тебя вечно нет средств. Точнее, нет средств на само производство, которое тебя кормит. А вот на твои квартиры, поездки всем семейством на отдых за границу по несколько раз в году они у тебя всегда находятся.

– Согласен Игорёк, каюсь. Но ты сам знаешь, до сегодняшнего предложения Вилена у нас перспектив особых не было. Жили на разовых заказах... Но теперь всё станет по-другому. И многое сейчас зависит от тебя. Игорёк, ты главный инженер. Берись, всё продумай. Определи что необходимо для того чтобы выполнить заказ в сроки. Я деньги найду. Под такой заказ мне любой банк кредит на самых выгодных условиях предоставит. Важно грамотное сделать техническое обоснование проекта. А это уже твоя задача. Садись за расчёты немедленно. Я тебя отвлекать не стану. Хочешь, занимайся расчётами дома. Я здесь сам управлюсь.

– Дима, а зачем мне это? Ты же понимаешь, что такое модернизировать наше производство в кратчайшие, почти, что военные сроки? Ты отлично представляешь, какую головную боль я буду иметь как главный инженер и непосредственный исполнитель такого серьёзного заказа.

– Игорь Олегович, если мы получим этот и последующие заказы ты не главный инженер, а мой компаньон с пятидесятипроцентной долей участия в распределении прибыли и технический директор нашего нового модернизированного

предприятия. Я своё слово всегда держу. Ты меня знаешь. – Твёрдо и очень серьёзно произнёс Дима.

– Интересно. – Мне даже сделалось весело. Вот что значит «звон презренного металла». – Дима, а где ты был раньше столько лет? Ты понимаешь, что если бы я давно получил от тебя такое предложение, стал твоим компаньоном, возможно Маринку не потерял, семью сохранил. Ты Дмитрий Михайлович гад, адепт мирового капитализма и тебя как говорил незабвенный Ося Бендер надо расстреливать из рогатки.

– Эх, Игорёк, какой же ты, в сущности, ещё ребёнок. – Саркастически рассмеялся Дмитрий Михайлович. – До седых муд..., волос дожил, а жизнь так и не понял. Ты вспомни. Давным-давно, когда я только начинал свой бизнес, а ты потерял свой, и когда ты пришёл работать ко мне, сколько ты получал? Ты тогда зарабатывал больше меня. И я платил тебе эти деньги. А знаешь почему? Потому что профи твоего уровня стоит дорого. Но как ты поступал с деньгами? Ты их просто просаживал на свои многочисленные группы, инструменты, аренду студий, на записи бесчисленных, по большинству так и не изданных гениальных альбомов, раздавал в не возвращаемые долги своим несчётным псевдо друзьям, транжирил на своих девок. Только не говори, что это не так... А что касается твоей семьи... Ты Мариночку потерял бы по любому. А знаешь почему? Ты стопроцентный мудака. Какая нормальная, а, тем более умная и красивая женщина, такая как Марина долго выдержит рядом с тобой. Раз-

ве что мраморная Афина Паллада, которая ничего не видит, не слышит и не знает. Вообще, удивительно, что вы прожили вместе столько лет. Ты Игорёк не способен на жизнь с взрослой женщиной. Вот с соплячками тебе комфортно. С ними ты себя ощущаешь почти что Фаустом. Как там, у Гёте? «Остановись мгновенье, ты прекрасно». Вот ты всеми силами и стремишься остановить мгновения, а по сути, жизнь в объятиях своих бесконечных юных Маргарит... Впрочем, и твоим девицам комфортно с тобой. Ещё бы, с тобой они получают сразу три ипостаси в одном флаконе: и ночного папу, и любовника, и клёвого тусовочного пацана... Ещё раз повторюсь, ты Игорёк стопроцентный мудака.

– Слушай, Дима, тебе моя Ленка случайно не звонила? – Я был в буквальном смысле этого словосочетания сражён наповал последней тирадой моего не на шутку разошедшегося друга.

– Нет, а что, она должна была звонить?

– Не знаю. Просто ты повторяешь слово в слово мою дочь. И ругаешься также.

– Видишь Игорёк, даже ребёнок раскусил твою гнилую сущность... Ну, так, что, будешь считать?

– Хорошо, забираю документы и уезжаю работать домой. Не хочу видеть твою мерзкую рожу, она меня с рабочего настроения сбивает. – Согласился я, в душе удовлетворённый таким поворотом событий. Теперь-то я смогу отремонтировать свою старушку – «аудиошку». А, возможно, наконец-то

и ремонт в квартире сделаю. Ленка права, давно уже надо было этим заняться...

– Лады. Чёрт с тобой. Скажу тебе откровенно, и ты мне надоел смертельно. – Рассмеявшись, согласился мой бывший босс, а нынешний компаньон и крепко пожал на прощание руку.

4

Сегодня утром в мой первый с начала выполнения Вилевого заказа выходной. В выходной который я собирался пошевелить девочкам. Покататься на катере по Москве-реке. Побродить по моим любимым с детства улочкам центра. Посидеть в кафе. Съездить на дачу... Позвонила Наталья Валерьяновна мама моей бывшей жены моя бывшая единственная и самая любимая тёща, а, по сути, вторая мама; и попросила срочно приехать. У неё в очередной раз сломалась стиральная машина. Теперь конечно ни о какой «культурной программе» речи не шло и единственное, что я мог предложить девочкам в сложившейся ситуации выезд на дачу которую я в последнее время из-за этого чёртового заказа изрядно запустил... Но, сначала..., деваться некуда, и мы с дочерью отправились к Наталье Валерьяновне...

– Бабуль, выбросила бы ты её на помойку. Давай купим новую. Вечно у тебя с ней проблемы. – Раздражённо предложила Ленка, ненавидевшая бабушкин стиральный агрегат, постоянно ломающийся в самый неподходящий момент.

– Мама, действительно, чего ты мучаешься. Сколько я твою стиральную машинку помню, всё время с ней что-то случается. – Согласился я с дочерью. Сказать по чести, это «нестиральное чудовище» достало меня напрочь. Не вспом-

ню месяца, чтобы аппарат не давал о себе знать какой-нибудь поломкой. – Леночка права. Я могу на неделе заехать в магазин, выбрать подходящую по качеству и цене. Стиральная машина не те деньги, чтобы ломать из-за неё копыя. Я готов тебя профинансировать.

– Бабуль, соглашайся. И я тебе дам пять тысяч... Нет, нет, не у папы возьму. У меня есть заначка – я расклеиваю по выходным объявления в нашем районе. Семьдесят рублей подъезд. Вот и насобирала. У меня почти двадцать тысяч уже.

– Детка, мне не нужны твои деньги. Сама пока что в состоянии. И свои деньги Игорёк прибереги.

Они тебе понадобятся, когда ты встретишь хорошую женщину... Ну, не знаю, ребята... Послушай, Леночка, а на что ты собираешь деньги? Двадцать тысяч сумма не малая. – Насторожилась Наталья Валериановна.

– Бабуль, у нас в районе есть стриптиз-клуб. Там мужчины раздеваются для женщин. Ну, и спят с ними за деньги. Вот я и хочу заказать себе стриптизёра на ночь, чтобы не с кем попала девственности лишиться, а с профессионалом. Чтобы было, что в старости вспомнить. А стриптизёры за ночь берут двадцать тысяч. Я узнавала. – Пошутила Ленка, собиравшая деньги на новую гитару.

– Дурочка, так они же, наверное, двадцать тысяч евро берут. Представляешь, сколько объявлений тебе развесить придётся. К пенсии закончишь. А к тому времени ты и

без стриптизёра девственность потеряешь. На такую красоту охотников найдётся уйма. И платить не надо. Они ещё сами счастливы будут тебе заплатить. – Рассмеялась Наталья Валериановна, и, вдруг сообразила, какой «педагогический перл» выдала. – Елена, прекрати прикалываться! Совсем задурила голову. Тебе не о сексе, а о поступлении в следующем году думать надо. Ты уже выбрала, где учиться собираешься? Во Франции?

– Бабуль, я россиянка и учиться буду в России. Это моя родина.

– Но европейское образование престижней, и больше шансов даёт в будущем. Скажи ей Игорёк.

– Мама, Леночка девочка взрослая и умная. Пусть сама решает.

– Да, взрослая, умная... Ну ладно, придет через неделю Марина, вместе и решайте.

– Что! Маринка прилетает через неделю!? – Я не поверил своим ушам. Вот это номер! – Мы на днях в скайпе с ними общались, Леночка подтвердит, почему же они ничего не сказали?

– Игорёк, прости меня дуру старую. Марина просила вам пока ничего не говорить. Они с Мариком хотят сделать вам сюрприз. Ребята, я ничего не говорила. Хорошо? Вы, пожалуйста, не выдавайте меня.

– Ань, а *трахаться* действительно *клёво*?

– Елена, никогда не произноси это мерзкое слово из лексикона маргиналов отморожков и всякой мрази. Вот они именно это и делают. Потому что им не нужны чувства, а достаточно только физиологии. Удовлетворения своих примитивных животных потребностей. – Возмутилась Анечка.

Я подавленный тёщиным сообщением, точнее, непонятно откуда возникшим чувством опасности связанным с прилётом Маринки и Марка уныло ковырялся на грядке «зачищая» разросшиеся до неправдоподобно-чудовищных размеров сорняки и в пол уха слушал разговор девочек загорающих поблизости. Конечно, как отцу, воспитателю и наставнику мне следовало вмешаться и поставить дочь на место – что-то в последнее время Леночка слишком разговорилась. Но делать это не стал. У меня теперь не было никакого настроя вступить в совершенно не победоносную войну с дочерью...

– Ну, хорошо, не буду. Заниматься любовью. Тебя это устраивает? – Обиженно поправилась Ленка.

– Устраивает. Хотя это тоже не лучшее определение. Я бы сказала просто любить.

– Ладно, пусть будет просто любить. Так как?

– Леночка, если это происходит с любимым человеком, нет ничего более чудесного.

– Ань, а у тебя в первый раз было с любимым человеком?

– Да, тогда мне казалось, что я того мальчика любила по-настоящему.

– А ты его любила больше чем папу?

– Ленка, какая ты ещё глупая. – Засмеялась Анечка и легонько стегнула дочь прутиком по спине. – Конечно же, нет. Никто на свете не сравнится с Игорем. Лучше, чем с ним мне ни с кем не было. Я не только постель имею в виду. Твой папа столько знает. С ним так здорово, так интересно... Интересно и легко. Мне ни с кем не было так интересно и легко.

– Анька, ты больная. Стопудовая крейзи. – Безапелляционно констатировала дочь. – Ну, как можно влюбиться в человека настолько старше тебя. Ты такая красивая. Скажешь, к тебе молодые ребята не клеятся?

– «Клеятся», как ты выражаешься. Ну и что из этого. Леночка, когда ты вырастешь, встретишь свою любовь, тогда сама всё поймёшь. – Как-то удивительно серьёзно ответила Аня. – Я очень хочу чтобы когда-нибудь ты испытало это чувство.

– Ладно-ладно, не задавайся. Ты всего на девять лет меня старше. Подумаешь, умудрённая жизненным опытом дама. Ты сама ещё маленькая, а строишь из себя. – Обиделась Ленка. Но Анечка рассмеялась, обняла её и поцеловала. А

Ленка поцеловала её в ответ.

– Слушай, а когда ты впервые поняла, что влюбилась в папу?

– Не знаю. Давно...

– Ты не увиливай. Честно скажи. – Насела на Анечку настырная дочь.

– Знаешь, твой папа понравился мне с первой минуты, как я его увидела. Точнее, сначала Игорь меня очень удивил. Понимаешь, вначале я его приняла за другого... Ну..., за гея.

– Анька, почему за гомика!?! – Ленкиному удивлению не было предела.

– В тот день, точнее, в это время дня посетителей в отделе, как правило, нет. А тут стремительно подходит ко мне интересный, я бы даже сказала, такой настоящий стопроцентный мужчина и сходу спрашивает романы Уильяма Берроуза «Гомосек» и «Гольй завтрак». Ты представляешь!?

– И чего? – Не поняла Ленка, естественно, как и большинство своих сверстников, незнакомая с запрещённым в мою молодость этим культовым американским писателем, чьи произведения в то время подпольно распространялись в нашей стране через «самиздат».

– Видишь ли, Уильям Берроуз считается проповедником свободной любви и однополых отношений. А его романы, те, что назвал твой папа, вообще многие десятилетия находились в Америке под запретом из-за освещения и пропаганды гомосексуализма и гомосексуальных экспериментов.

Правда, впоследствии роман «Голый завтрак» был признан в Америке одним из наиболее значительных произведений второй половины двадцатого века. Берроуз, а ещё Аллен Гинзберг и Джек Керуак считаются идеологами битничества.

– Идеологами чего? – Не поняла Ленка, никогда не слышавшая об этом течении.

– Леночка, тебе надо больше читать, интеллект развивать, а не бездумно торчать в «контакте». В Соединённых Штатах в пятидесятые, шестидесятые годы прошлого века возникло молодёжное неконформистское движение битников или разбитого поколения протестующее против двойной морали и отсутствия духовных ценностей в американском обществе потребления. Эти писатели и сформировали его идеологию. Они считаются и идеологами последующего молодёжного движения хиппи.

– А, про хиппи я знаю. Мы в колледже во Франции проходили. Они отращивали длинные волосы, ходили босиком, цветочки на лицах рисовали, протестовали против какой-то войны, революцию делали, «травку» курили, коммунарами жили. У них ещё свободная любовь была. Ну, любой мальчик с любой девочкой, когда захочется. Как собачки. Они говорили make love, not war... Это не интересно. Ты дальше рассказывай про вас с папой.

– А что про нас с папой. Я, конечно, очень удивилась и предложила другие издания пользующиеся спросом у... ге-ев. Но Игорь расхохотался и объяснил, что я его неверно по-

няля. Что у него нормальная ориентация. Просто именно эти книги нужны ему в подарок на день рождения своему другу библиофилу. Эти книги у нас никто и никогда не заказывал и, конечно же, они в продаже не появлялись. Но я проверила центральный склад. Там романы имелись. Я их заказала и попросила твоего папу зайти через несколько дней. Игорь оставил мне номер своего телефона. Когда книги пришли я ему позвонила. Игорь заехал вечером. Перед самым закрытием. Оплатил книги и говорит. Вы даже не представляете, как меня выручили. Потом наклоняется и шепчет мне на ухо. Анечка, после того, что вы для меня сделали, я, как порядочный человек, просто обязан... Я тогда подумала. Вот сейчас услышу расхожую банальщину на счёт женитьбы. А Игорь говорит. Просто обязан пригласить вас в кафе и угостить мороженым. А я очень люблю мороженное... И, потом, твой папа мне уже тогда понравился. Вот с того дня мы и начали встречаться. Игорь водил меня в Кремль, Третьяковку, Пушкинский музей...

– Анька, ты что издеваешься! Я спросила, когда ты поняла, что влюбилась в папу. А не про всякие Кремли, Пушкинки, Третьяковки. Ты ещё про Репина, Сурикова и Царь-пушку расскажи. – Рассержено и нетерпеливо перебила Анечку дочь.

– Сложно сказать. Давно. Впрочем, по-настоящему я осознала это совсем недавно на репетиции его группы.

– Папуля брал тебя на репетицию? – Удивилась Ленка. –

Вот это номер! «Жесть»!

– Верно. И в этом нет ничего необычного.

– Нет ничего необычного!? Да, если хочешь знать, папа ни одну подружку никогда не таскает на репетицию своих групп. Даже Инну. Даже маму редко. Даже меня берёт со скандалом после того как я наревусь...

– Ты знаешь, они играли какую-то композицию и у них что-то не получалось. И ребята злились и ругались. И парень, высокий такой гитарист, не помню, как зовут...

– А, Женька Орехов, Джек, басист..., ну, бас-гитарист. Клёвый пацан. Красавчик. Он мне нравится. И я ему, кажется, тоже нравлюсь. Когда я прихожу, он так на меня смотрит, так смотрит...

– Так вот, Женя требовал, чтобы Игорь в каком-то месте что-то сыграл. Кажется «соляк». А твой папа доказывал ему, что «соляк» там не нужен, что получится плохо. Как выразился Игорь «будет стопудовый перегруз». Но Женя настаивал. И они как мальчишки сцепились и принялись орать друг на друга. И все ребята, считай мои ровесники и даже младше меня называли его Игорем и тоже кричали друг на друга и на него. И гвалт стоял нестерпимый... А я сидела, смотрела на твоего папу и чувствовала, что люблю его. Знаешь, просто дико его люблю и хочу. Так я никого никогда не любила и не хотела... А ты говоришь он старый. Ты просто ничего не понимаешь.

Нет, далее слушать этот «бред» стала невыносимо, и я подал о себе знать, напомнив девчонкам про обед. Девочки встрепнулись и поскакали на кухню – коей у нас служила терраска – стряпать.

– Анечка, а почему ты в книжном работаешь? Неужели ничего лучше не нашла? У тебя же строительное образование. – Задала моя неугомонная дочь вопрос, на который и мне было интересно услышать ответ. – Ведь столько строительных фирм в городе.

– Так сложилось. – Как-то подозрительно неопределённо ответила Анечка.

– Анька, это не ответ. Вот спросишь у меня что-нибудь, я тебе так же отвечу. – Обиделась дочь.

Анечка порывисто вскочила из своего почётно-гостевого или как оно у нас в семье зовётся «королевского» кресла, приземлилась рядом с Ленкой на лавочке, обняла её и очень серьёзно ответила.

– Мой папа был строителем. На площадке произошла авария. Папа спасал людей и погиб. Я дала маме слово, что никогда не стану строителем. Это произошло, когда я на пятом курсе уже училась. Не бросать же институт... Но строительство не моё призвание. Я в строительный только под влиянием папы пошла... Закончила институт. Помыкалась, помыкалась. В частные компании не устроишься, хорошей работы в городе практически нет. Только в торговле. Да и то, копей-

ки платят. Поэтому в Москву приехала к тётё... Поступала в литературный институт. Провалилась. Надо было год как-то прожить. Вот и решила, если хочу стать писателем, лучше места, чем издательство нет. Но в издательства не попала. На нищенскую зарплату даже у тёти не проживёшь, а хорошо оплачиваемые должности требуют высшее образование. Тётя посоветовала пойти работать в книжный магазин: от дома недалеко, не издательство, но тоже рядом с книгами и платят нормально. В этом году поступала, несколько балов недобрала. Теперь буду поступать на следующий год, и на этот раз обязательно поступлю. Я себе и... моему папе слово дала.

– Анька, ты по-настоящему хочешь стать писательницей, не прикалываешься!? – Ленка, казалась сражённой наповал. Если честно, я не меньше, а, возможно и больше дочери.

– Ну да, а что тут экстраординарного?

– Анечка ты хочешь стать как Пушкин, Толстой?

– Леночка, ну, почему, как Пушкин, Толстой. Я хочу стать сама собой. Мне тоже есть, что сказать. Я уже несколько лет участвую в работе одного писательского интернет-форума и у меня появились свои читатели...

Я изумлённо смотрел на эту девочку, с которой встречаюсь больше месяца. С которой сплю, точнее, не сплю ночами. Которая меня целует и ласкает так, как никто и никогда. И с которой мне так кайфово, как, наверное, никогда не было ни с одной женщиной за всю мою долгую-долгую жизнь.

Я смотрел на Анечку и понимал, что за всё это время так и не попытался просто, по-человечески узнать её! А может Ленка права – я действительно полный мудака? Великовозрастный *мудака* и дебил.

Маринка и Марк прилетели, и сразу из аэропорта завалились к нам. Ленка пребывала на седьмом небе от счастья. Она год не видела маму и не отходила от неё ни на шаг. Я не видел Марину два года. Она практически не изменилась, осталась по-прежнему чертовски красивой, правда выглядела несколько уставшей. Это и понятно, руководить частным лицеем-пансионатом это не типовые двери штамповать. Зато Марк выглядел как бог. Он и в молодости считался «первым парнем на деревне» – все девчонки факультета, да чего там факультета – института «бегали» за ним. Но и теперь мой друг мог дать «сто очков вперёд» любому молодому. За те два года, что я его не видел, он значительно похудел, и это ему, несомненно, шло. И сейчас Марк «сверкал» неотразимо, точно кинозвезда. С Маринкой они смотрелись супершикарной парой.

Мы сидели в гостиной пили водку и чай и болтали о всякой ерунде. Об изменившихся и в лучшую и в худшую сторону Москве и России, о Париже, Франции. Но почему-то теперь, среди моих самых любимых людей, какое-то совершенно неуместное, непонятно откуда возникшее чувство тревоги не покидало меня.

Наконец, я не выдержал, и напрямую спросил Маринку и Марка, какого чёрта они припёрлись.

– А ты не рад нас видеть? – По-еврейски, вопросом на вопрос ответила «многомудрая» Маринка.

– Рад, очень рад. Но я не поверю, что вы, такие занятые челы, бросили все свои дела и прилетели только для того чтобы посмотреть на нас.

– Ну, во-первых, ты возможно и не поверишь, но мы действительно соскучились и по Леночке, и по тебе, и по маме. Во-вторых, с Леночкой нужно что-то решать. – Ответила Маринка.

– Мамочка, что вы хотите со мной решать? – Насторожилась Ленка. Я, признаться, тоже. В этом Маринкином «надо что-то решать» таилась чудовищная разрушительная сила...

– Детка, тебе на следующий год поступать. Мы все считаем, что высшее образование ты должна получить во Франции...

– Мама, кто это все!? – Взвилась Ленка. – Кто все!?

– Я, Марик и Паша...

– Пашка пусть своей ненаглядной Джейнис командует. Тоже мне счётовод. Он мне брат, а не папа. А мы с папой считаем, что я должна учиться на родине.

– Я даже не сомневаюсь, что твой папа мудака (Господи, ну почему в нашей семье так любят это слово!?) именно так и считает. Он же не думает о твоей судьбе, твоём будущем. Ему «была бы страна родная, и нету других забот».

– А что в этом плохого мамочка? Папа, между прочим, если ты забыла, я тебе напомню, за эту страну воевал. – У

Ленки начиналась истерика. – Я россиянка, и хочу учиться, жить у себя на родине. Да, мамочка на моей дебильной родине, которую вы иностранцы так не любите. Со своим му-даком папой и Анечкой. Потому что я их люблю. И вас с Мариком люблю... Но, Марик..., мне не нравится жить в твоём дворце, где мне двери открывают, за мной убирают, еду подают. Мне не нравится, что в колледж меня провожали и встречали из колледжа твои тупорылые охранники. Из-за этих уродов я ни с одним мальчиком не могла отношения завязать. Все ребята из моей группы этих горилл просто боялись и на пушечный выстрел не приближались ко мне. Мне не нравится ездить в твоём роскошном лимузине. Да, в нашем метро грохот, духота, теснота и азиаты. А уж бомжей у нас куда меньше чем в вашем долбаном Париже... Но это моё метро. И этот город мой. И я никуда отсюда не уеду. А если вы будете ко мне приставать, я сообщу в ФЭэСБэ, что вы шпионы или наркодилеры. Куплю у знакомых «пацанов-наркош герыч» и подброшу его вам. Деньги у меня есть. И вас упакует лет на десять. А за это время я здесь успею окончить институт, жениться, родить кучу детей, и мой муж меня вам меня не отдаст, потому что он меня будет любить так же, как Анечка папу. А я именно такого мужа себе найду, вот увидите...

Мы долго хохотали и не могли успокоиться.

– Кто такая Анечка? – Заинтересованно, и как мне показалось ревниво, спросила у дочери моя бывшая благоверная,

но разъярённая Ленка ничего не стала отвечать маме.

– Ладно, чёрт с тобой. – Согласился Марк, вытирая платком слёзы. – Как говориться, яблочко от вишенки недалеко падает. Если честно, малышка, подобный ответ я ожидал и горжусь тобой... Но с героином ты меня здорово развеселила. Ха, ха-ха.

– Ну, что же, детка, это твой выбор. Только потом не пожалей, когда изменить уже ничего нельзя будет. Когда пройдут годы, и их уже не вернёшь. Ты помнишь, с какими слезами Паша отсюда уезжал? А теперь его из Франции никакими силами не выгонишь.

– Мама, я не Пашка. Запомни это. И жить буду в своей стране. И учиться, потом работать здесь же.

Твёрдо ответила Маринке Леночка, и я почувствовал, как на глаза накатываются слёзы. Слёзы радости, нет, счастья, от того, что у меня оказывается такая замечательная, суперовская дочь.

– Но, если честно, Игорь, есть тема, ради которой мы собственно и прилетели. – Как-то уж очень серьёзно произнёс Марк, я ощутил неприятный озноб, и паскудно закололо в сердце. Но Марк, скотина, точно дешёвый актёр сделал паузу, снова разлил водку, мы снова выпили. – Дело такое, я начинаю на севере в Архангельске новый очень крупный проект европейского масштаба. Предварительная договорённость с местной администрацией достигнута, проект можно запускать. Мне нужен человек, который возглавит

его.

– Не меня ли Марик ты имеешь в виду? – Настороженно выдавил я из себя.

– Именно. Ты инженер от бога, у тебя есть опыт руководства крупными проектами, и ты, на мой взгляд, человек способный осуществить проект. Но, самое главное, ты мой друг, которому я доверяю как себе. Тем более, когда речь идёт об освоении огромных средств... Игорёк, я не тороплю тебя, подумай.

Сказать, что я удивился, значит не сказать ничего. Я был глубоко потрясён, смятён и нашёл в себе силы лишь промямлить, что это предложение так неожиданно...

– Игорь, здесь нечего долго думать и рассуждать. – Как всегда властно, своим привычным менторским тоном изрекла Маринка. – Такого предложения у тебя не появится больше никогда... Ну, подумай, что ты теряешь? Свою грошовую, неперспективную должность главного инженера? Москву? Ты уже не мальчик, в твоём возрасте пора начинать задумываться о будущем. О нормальной, обеспеченной старости. Архангельск отличный красивый современный город. Залезь в интернет, посмотри своими глазами. Да, это север, но медведи по улицам Архангельска не бродят... И, потом, никто не требует от тебя окончательно порвать с Москвой. Оставь, не продавай квартиру, мама за ней присмотрит. Или сдай её внаём порядочным людям. Что за проблема. А когда Леночка поступит в институт, она снова вернётся от бабуш-

ки к себе домой. Но, самое главное, не устраивай трагедию и принимай предложение Марика.

Я не нашёл что ответить, и растерянно взглянул на дочь, ища у неё поддержки, но Ленки в комнате не оказалось. Наверное, ревет на кухне или в ванной...

– Игорь, я тебя понимаю. Моё предложение кажется несколько неожиданным. Я бы даже выразился, неожиданно шокирующим. Но это от того, что ты пока не знаешь всех деталей проекта. А узнав, поймёшь, что ничего невыполнимого или сложного для тебя нет. Ты решал задачи намного сложнее, когда создавал своё производство. Создавал, заметь, в совершенно другое время. Смутное и опасное время. Когда государство теряло рычаги власти и трещало по всем швам. Когда в стране царили безвластие анархия и хаос. Когда её охватил криминально – чиновничий беспредел с его неизменными атрибутами: братвой, стрелками-разборками, крышами и рэкетом. И, ничего, ты работал даже в тех условиях. А теперь условия совершенно другие и государство другое... Что касается самого проекта. Во-первых, проект обеспечивается мощным финансированием, как с моей стороны, так и со стороны крупных финансовых структур моих европейских партнёров. Во-вторых, решён важнейший вопрос с местной администрацией, которая не только не станет ставить тебе палки в колёса, но и окажет преференцию...

В дверь неожиданно позвонили. Кто это мог быть? Вероятно, не дождавшись свою любимую доченьку примчалась

Наталья Валериановна...

– Я открою! – Крикнула Ленка откуда-то из глубины квартиры. Затем послышались её торопливые шаги. В прихожей раздались голоса... И в комнату влетела... совершенно запыхавшаяся и покрасневшая от быстрого бега Анечка. Следом за ней появилась торжествующая дочь.

– Игорь, что случилось? – С трудом переводя дыхание, выдохнула Анечка. – Мне Леночка сказала, что тебя отправляют в ссылку. Я отпросилась с работы и прибежала. Что происходит?

– А происходит Анечка у нас следующее. – Ехидно объяснила Ленка. – Твоего ненаглядного Игоря и моего папулю родственнички хотят сослать на север... Вот эта дама Анечка: Марина, бывшая жена моего папы и моя мама. А это нынешний муж моей мамы и самый близкий друг твоего Игоря Марк, или, как его зовут в нашей семье, Марик.

– Игорь, – бросилась ко мне совершенно растерявшаяся Анечка, – я ничего не понимаю. Что ты натворил? За что тебя хотят сослать? Объясни мне.

– Аня, успокойтесь. Никто Игоря никуда, в прямом смысле этого слова, сослать не собирается. – Вовремя вмешался Марк. – Это наша Леночка так выражается и нагнетает истерию. Я предложил Игорю возглавить крупный проект в Архангельске. Проект, который может коренным образом изменить финансовое положение моего друга. Сделать его очень состоятельным человеком. Естественно, на несколько

лет Игорю придётся уехать из Москвы. Но, во-первых, не в арестантском вагоне. Во-вторых, с первого дня у него будут комфортные, и даже роскошные условия проживания в элитном районе города в собственной квартире, которую я предоставлю Игорю безвозмездно. В-третьих, и самое главное, его оклад, как руководителя проекта станет на порядок и разы отличаться от оклада главного инженера второсортной компании по изготовлению металлических дверей. Компании, коих в Москве сотни, а возможно и тысячи. Ну, и последнее, и, на мой взгляд, немаловажное – статус руководителя проекта европейского масштаба. Вот такую «ссылку» Аня я предлагаю своему другу.

– Игорь, что ты решил? – Взволнованно спросила Анечка. Но, честно говоря, я не знал, что ответить.

– Аня, а какое решение устроит вас? – Задала свой коварный вопрос «гарпия» Маринка.

– Любое. – Твёрдо, и ни на секунду не задумываясь, ответила Анечка.

– «Жесть»! Анька, ты точно «шиза»? – Возбуждённо воскликнула Ленка. – Ты хочешь, чтобы папа уехал в этот долбаный Архангельск?

– Если Игорь примет такое решение я уеду с ним... Если, конечно, он меня возьмёт... И, даже, если не возьмёт...

– Анечка, ты чокнутая декабристка. – Констатировала потрясённая дочь. – А как же твой литературный институт? Кто на следующий год собиралась поступать? Ты же хочешь стать

писательницей.

– Леночка, писать можно везде, не только здесь в Москве. Москва это не вся наша страна, а лишь её малая часть. Люди живут везде. И везде живут достойные умные духовно богатые и внутренне красивые люди. А в провинции их больше. Я знаю что говорю. Я сама из провинции. И пишу для этих людей, а не для тех самодовольных циничных наглых жадных беспринципных и бездушных орков которые подобно тараканам сползлись в этот город, и превращают его из исторической святыни народа в мерзкий ужасный меркантильный Мордор... А поступать буду на заочное отделение. Ничего страшного. – Анечка порывисто чмокнула меня в щёку. – Я всё поняла... В общем, я побежала работать. Позвони мне вечером.

Я несколько смущённый произошедшей сценой нашёл в себе силы только вяло и нейтрально кивнуть в ответ.

– Игорёк, где ты откопал такое сокровище. Слушай, а ведь эта девочка любит тебя по-настоящему.

В голосе Марка звучало уважение и некое восхищение и, как мне показалось, зависть.

– Папуля познакомился с Анечкой в книжном отделе в универмаге.

– Игорь, ты читаешь книги? – Маринкиному удивлению не было предела.

– Да, мамочка, папа читает книги. – Ленка торжествова-

ла. – День и ночь читает.

– Насчёт ночей даже не сомневаюсь. Вот с такими Анечками. Так читает, так читает...

– Мама, никогда не говори гадости про Анечку. Никогда. Слышишь. Не смей. Я тебе запрещаю. – Дочь резко и очень серьёзно оборвала Маринку. – Ты бы за папой на север не поехала ни за что и никогда в жизни. А Анька, дура, хоть сейчас готова туда мчаться.

– Не тебе судить детка. Молода ещё... Вижу, ты за этот год много набралась от своего папы.

– Да, мамочка, много. И ещё наберусь. Не волнуйся.

– Даже не сомневаюсь. Папа тебя ещё в свою группу не взял? А, что, ты прекрасно играешь на гитаре. По крайней мере, месье Фурнье тебя очень хвалил. Лучшая его ученица. Вся в папу пошла. Вот и будете вместе скакать по сцене... Отличная перспектива в жизни.

– Да, отличная. Рок-музыканты мамочка, если хочешь знать, миллионы зарабатывают.

– Точно, особенно твой папа.

– Так, Марина, Леночка, прекратите базар. Вы ещё подеритесь, «горячие финские парни». Напомню, мы не для этого собрались. – «Закрыв тему» Марк и снова разлил водку. Мы выпили. – Ну, так что ты решил?

Я честно рассказал Марку о заказе, о своём новом статусе Диминого компаньона, и о серьёзных положительных финансовых изменениях в моей жизни.

– Понятно. Значит отказываешься. – Констатировал совершенно расстроенный Марк. Я попытался было объяснить, что решение не принял, но упёртый, словно танк Марк не поверил. – Игорёк, я тебя, как самого себя знаю. Ты никогда не бросишь своих пацанов в бою. Даже в самом страшном и безнадёжном. Не бросишь ни за какие сокровища в мире. И Диму ты не оставишь один на один с его заказом. А, следовательно, мне при придётся искать другого кандидата на эту должность.

– Слушай, Марик, чего ты летишь вперёд паровоза и без меня, меня женишь! – Не возмутился, взорвался я. – Если я сказал, что пока ничего не решил, значит, я действительно в данный момент, то есть именно теперь ничего для себя не решил.

– Лады, Игорёк, время у тебя есть всё обдумать. Мы неделю в Москве пробудем. Но улетаю, я хочу знать твоё решение. Для меня это важно.

Ленка стремительно уселась на дива между мной и Марком, обняла меня и очень серьёзно произнесла: – Марик, мамочка, я вот что вам скажу. Если папа уедет в Архангельск, я поеду с ними. Так и знайте. Там школу закончу. Надеюсь, школы в Архангельске есть?.. Да, и потом, ты же мамочка сама говорила, что Архангельск прекрасный город. А на севере я никогда не была... А с бабушкой я всё равно не останусь. Хотя мне её жалко. Она останется совсем одна. Но я стану приезжать к ней часто-часто, так что она соскучиться

не успеет. Мы с папой будем к ней приезжать по очереди... Но, я уеду по любому. Я хочу жить с папой и Анечкой. И попробуй папочка только не взять Аньку с нами. Всё твои гитары и барабаны с девятого этажа полетят. Я не шучу... И не вздумай, мамочка, возражать. Это бесполезно. – Ленка завелась конкретно.

– Бог с тобой, делай что хочешь. – Махнула рукой совершенно расстроенная Маринка. – Правильно сказал Марик, вишня от яблони растёт недалеко...

– Яблочко от вишенки недалеко падает. – Поправил Маринку педант Марк...

– Пошли вы все к ени матери! Я уезжаю к маме! – Маринка, пунцовая от ярости, вскочила и стремительно направилась в прихожую. А мы втроём, совершенно не уместно в этой ситуации, принялись безудержно-истерично хохотать над её экспромтным каламбуром, катаясь практически в буквальном смысле этого слова по полу, точнее, по дивану. Маринка вернулась. Вприщур обвела нас своим учительским высокомерно-уничижительным взглядом. – Дураки! Какие же идиоты! Господи, ну и семейка мне досталась.

6

Я уже час долбил этот соляк. Центральный соляк главной композиции альбома. Композиции, которую мы практически закончили и даже записали основные барабанные и гитарные партии...

Я спешил. Мне хотелось, чтобы этот альбом, наш с ребятами последний совместный альбом вышел пока я ещё нахожусь в Москве. Я не знаю, что нас ждёт в будущем. Что станет с группой. Возможно, с моим отъездом она распадётся. Возможно, ребята сохранят группу, пригласив нового гитариста. Возможно, мы и дальше сможем работать вместе, несмотря на разделяющие нас тысячи километров. Теперь благодаря технике, технологиям и интернету это вполне решимая задача...

Я торопился. Но соляк, который ещё совсем недавно, всего несколько дней назад звучал мощно супертяжёло напряжённо агрессивно энергично и брутально теперь мне никак не давался. Выходил какой-то безликий аморфный никакой. И совершенно не соответствовал неистовому урагану гитар и барабанов, работающих в унисон подобно армаде штурмовиков-бомбардировщиков.

Не знаю, что со мной произошло. Наверное, давала о себе знать усталость, связанная с самым трудным начальным этапом выполнения заказа. Да и приезд Марка и Марин-

ки, архангельский проект внесли в душу совершенно ненужные теперь волнение сумятицу и неопределённость, разрушили привычный размер жизни, спокойное состояние. Но, самое главное, необходимость принятия важного судьбоносного решения давили тяжёлым грузом, не давая настроиться... И, как следствие, к завтрашней записи я оказался совершенно не подготовлен...

– Игорь, ты очень не хочешь уезжать? – Анечка обняла меня сзади, прижалась, поцеловала в шею и положила свою голову мне на плечо. В её вопросе звучали тревога и грусть. Я захваченный врасплох её вопросом нашёл в себе силы только спросить, почему она так решила. – А это видно... Ты не обидишься, если я скажу честно, что думаю... У меня такое ощущение что ты боишься ехать в Архангельск. Конечно, я в это не верю. Ты прошёл войну и просто так на войне не награждают...

Я отложил гитару в сторону. Нежно взял её за плечи. Притянул к себе. Посмотрел в её какие-то растерянные и печальные глаза. И стараясь придать голосу спокойствие, ответил.

– Маленькая моя, ты права, я действительно не хочу и боюсь уезжать. Но это не тот страх, что на войне. Там опасность постоянно рядом, а с ней естественный для любого человека страх за свою жизнь. Но если ты не последняя сволочь и трус, ты его преодолеваешь... Мой теперешний страх другого рода... Не знаю, как объяснить... Я боюсь не за себя.

Не за неудачу с проектом. Чем я, в конечном счёте, рискую? Ничем. При самом худшем раскладе я всегда смогу вернуться сюда домой... Впрочем, это не случится. Я запущу проект... Я боюсь за тебя. Боюсь, и не хочу испортить твою жизнь... Так получилось, что ты стала для меня всем... Нет, в моей жизни по-прежнему остались мои самые любимые люди. И Леночка, и Пашка, и Маринка, и Марик, и Наталья Валериановна, но для меня нет никого ближе и дороже тебя. Я не хочу и не имею права сломать тебе жизнь, исковеркать твою судьбу...

– Игорь, что ты такое говоришь!? Чем ты сломаешь мою жизнь, судьбу? Тем, что мы уедем в Архангельск? Ты действительно считаешь, что можно жить только в Москве? – Анечка смотрела на меня глазами полными слёз. Моё сердце разрывалось, но я должен был завершить начатый разговор.

– Девочка моя, дело не в Москве. Полноценной, насыщенной жизнью можно жить везде, даже в пустыне. Важно не что вокруг тебя, а что внутри. Тебе это хорошо известно... Понимаешь, конечно, всегда трудно менять привычный образ жизни, обстановку. Особенно это тяжело, когда ты уже не мальчик, за плечами долгая жизнь, и на тебя возложена ответственность. Колоссальная ответственность. Я не могу, не имею права подвести Марка... Впрочем, это не самое главное... Я давно хотел поговорить с тобой, но не мог найти время..., точнее, собраться с силами, с духом... Анечка, скажи только честно, зачем я тебе нужен? Ты такая молодая, а

я... Я понимаю, сейчас у тебя увлечение мной. Точнее, даже не мной. Во мне ты нашла человека, способного, пусть и иллюзорно, заменить тебе ушедшего отца. Анечка, но что дальше? Моя жизнь проходит, проносясь, подобно мчащемуся автомобилю. А твоя только начинается. И впереди у тебя долгая жизнь, в которой ещё будет настоящая и светлая любовь с молодым человеком. Зачем тебе я?

– Игорь, прекрати! Никогда мне больше такое не говори! Слышишь, никогда! – Резко, дрожащим и взвинченным голосом оборвала меня Анечка. – Я хочу, чтобы эта тема сегодня закрылась навсегда. Игорь, я далеко не наивная девочка, знаю жизнь и всё понимаю. Понимаю, насколько тебе сейчас трудно. По сути, ты теперь заново начинаешь жизнь, и при этом на тебя взвалена ответственность, которая не каждому по плечу. Отсюда все твои метания и страхи. Но эти страхи временные. Они пройдут, как только ты преступишь к работе.... Что касается меня, я хочу прожить с тобой, именно с тобой столько, сколько нам отмерено свыше... А если у тебя кто-то появился, ты мне можешь об этом сказать честно и прямо. Без твоих дурацких экивоков. Я всё пойму и постараюсь пережить.

Я ничего не стал отвечать Анечке, а просто привлёк её к себе и принялся страстно и горячо целовать, она отвечала мне не менее пылко... И в это время, словно в каком-то низкосортном кино, распахнулась дверь и на пороге появилась Ленка.

– Вот, опять «лижутся»! Слушайте, и как вам это ещё не надоест? Мне с одним и тем же мальчиком надоедает через неделю.

– Вообще-то, Елена, воспитанные люди стучаться, перед тем, как войти, а не вламываются в комнату, словно группа спецназа. – Я попытался поставить дочь на место, но от Ленки все мои педагогические усилия отскакивали, точно от стенки горох.

– А я стучалась, просто вы так «увлеклись процессом», что не слышали... И, вообще..., почему я должна стучаться в своём собственном доме? Вы ведите себя прилично, не подавайте дурной пример подрастающему поколению, тогда и стучаться не нужно будет.

Мы с Анечкой расхохотались. Я смеялся, и со смехом уходили прочь напряжение и страх. Я словно только теперь осознал самое главное – чтобы со мной не произошло в жизни, какие бы испытания не готовила в будущем судьба, рядом со мной находятся мои самые близкие и любимые люди, на помощь, участие, понимание которых я всегда могу рассчитывать...

– Значит уезжаешь. – Не спросил, констатировал Дима. Я утвердительно кивнул. – Знаешь, Игорёк, если честно, я за тебя рад. Марк, акула бизнеса, правильно всё рассчитал, предложив именно тебе возглавить проект.

– Ты скажешь тоже, акула бизнеса. В случае со мной Марк ничего особенно не рассчитывал. Просто ему в проекте нужен свой человек, которому он безоговорочно доверяет. Вот и всё. Дима, а, ты бы поступил по-другому? Взял любого «варяга» с улицы и вверил ему судьбу, безопасность проекта и огромные, я бы сказал колоссальные средства? И, заметь, не только свои личные. Думаю, вряд ли.

– Ничего подобного, дело не только в этом. Сам понимаешь, не всегда деньги играют решающую роль. Кроме финансовой стороны у этой медали существует ещё одна. Называется человеческий фактор. И во многих случаях этот самый фактор важнее денег. В тебе, в твоём громадном потенциале Марк уверен на тысячу процентов. Он ни на секунду не сомневается, что ты костями ляжешь, но вытянешь его проект.

– Я думаю Дима, что ты меня сильно переоцениваешь.

– Нет, Игорь Олегович я тебя не переоцениваю. Это ты себя серьёзно недооцениваешь. И всю свою жизнь недооценивал. И в институте, я это хорошо помню. Ты, с твоей башкой спокойно мог бы окончить его с красным дипломом, а там ас-

пирантура, и, как минимум кандидатская. Но тебе твой рок, репетиции, записи, гитары-барабаны, восторженные поклонницы всегда оставались важней самых важных лекций и научной карьеры. А Санька Морозов. Господи, Санька Дефект тихой сапой уже доктор наук... А вспомни свой бизнес. Так великолепно стартовать и так глупо всё потерять. Да и в семье... Впрочем, чего ворошить прошлое. Теперь у тебя появился шанс, настоящий шанс изменить ситуацию, судьбу... В, общем, Игорь, я тебе искренне желаю удачи, и очень за тебя рад... Хотя мне станет тебя не хватать.

– Дмитрий Михайлович, я не первый и не последний инженер в этом городе. И, вообще, друг мой, я считаю, что пора уступать дорогу молодым... В семидесятые годы прошлого века жил величайший гитарист всех времён и народов Джимми Хендрикс. Он прожил всего двадцать семь лет. Что такое двадцать семь лет? Ерунда, почти мальчишка. Вспомни себя в этом возрасте. Но за двадцать семь лет, точнее всего за несколько лет в музыке Джимми Хендрикс сделал столько, сколько большинству из нас за всю свою долгую и счастливую жизнь не сделать никогда. Дима, есть множество молодых талантливых ребят, способных достойно заменить меня и выполнить ещё не один твой заказ.

– Игорь, я сейчас не о заказе говорю. Заказ меня волнует меньше всего. Если понадобится, я его один легко вытяну. Просто..., не знаю, как выразиться... Понимаешь, твоё место, да, может занимать другой инженер. Молодой, не моло-

дой, суть не в этом. Главное, теперь рядом со мной уже не будет тебя. Именно тебя Игорьёк.

– Ну, ты Дима меня точно хоронишь, право слово. А я умирать пока ещё не собираюсь. Тем более теперь, когда у меня есть, для кого и ради чего жить.

– Типун тебе на язык дурак. Живи ещё сто лет... И самое главное Игорь оставайся самим собой. Я на миллион процентов уверен, что тебя не испортят никакие деньги. Ты всегда останешься самым надёжным человеком из всех, которых я знаю, и дружбу с которым всегда ценю. Да-да, это именно так... В общем, Игорь Олегович, когда будешь прилетать в Москву хотя бы изредка заезжай. Да и звони чаще из своего Архангельска... Правда, я представляю, насколько тебе там станет не до звонков. Особенно в первое время.

– Смотрите! Листья уже начинают желтеть! – Тихо, и как-то очень тепло произнесла Анечка...

Мы сидели на терраске за столом и уплетали арбуз. Большой, нет, огромный арбузище. Сказочно сладкий – продавец-узбек не обманул. Лица девчонок лоснились от арбузного сока и светились блаженством...

– Ну и чего? – Не поняла Ленка. Я, признаться, тоже.

– Значит скоро осень. Я очень люблю осень. У себя дома в детстве мы в эту пору с мамой... и папой ездили за грибами... У нас в городе осенью даже дышится по-другому, как-то удивительно легко и свободно. А в городском парке в конце сентября проходит последняя летняя дискотека, на которую собирается весь город. То есть, молодёжь города. И совсем не важно, что в этот день, вернее, вечер может идти дождь. И все ребята ожидают второе отделение, когда объявят ретро-дискотеку. И тогда парни приглашают на танец девушек. А девушки на белый танец ребят. Как когда-то приглашали их мамы на белый танец их пап. В этот день завязываются многие отношения и складываются семьи... Осенью мне особенно хорошо пишется. Даже в школе осенью сочинения я писала на одни пятёрки.

– Ты хочешь сказать, что за сочинения получала не только пятёрки!? – Недоверчиво спросил я.

– Ну да, а что в этом удивительного. Мне за сочинения даже тройки ставили, а иногда двойки. – Прижавшись ко мне, ответила Анечка и поцеловала в щёку.

– Да, ладно! Не может быть!?! – Дочь была сражена наповал, я удивлён не меньше. Ленка перебралась к нам на лавочку, уселась рядом с Анечкой и недоверчиво спросила. – А как же ты пишешь свои рассказы, произведения, там всякие, если в школе тебе тройки и даже двойки по «литере» ставили? Вот у меня за сочинения всегда пятёрки, редко четвёрки. Но я недавно попыталась рассказ написать. Попробовала стать писательницей как ты... Фигня такая получилась, что самой противно сделалось.

– А знаешь Леночка, почему у тебя твой рассказ не вышел?

– Ну и почему? – Ленка внимала Анечке, словно примерная ученица.

– Ты писала его формально. Решила: а давай я стану писательницей и что-либо напишу, школьные сочинения у меня ведь писать получается... Понимаешь Леночка, писателя определяет не только владение техникой написания и литературным языком. Это всего лишь инструменты писателя. Скажем, как у художника краски и кисти. Но один художник этими красками и кистями пишет Мадонну, заставляющую на протяжении веков трепетать сердца миллионов, а другой никому не нужные убогие безликие псевдореалистические портреты всю жизнь малюет, которые забудутся быст-

рее, нежели завершится жизненный путь этого имитатора... Видишь ли, можно быть художником, а можно лишь искусным живописцем, не более.

– Анечка, а разве это не одно и то же?

– Конечно же, нет. – Улыбнулась Анечка, потрепала Ленку по голове и как-то очень по-взрослому, по-матерински обняла её. – Какая же Леночка ты у нас дремучая. А ещё в Париже жила, где Лувр, Версаль, Монмартр, прекрасные художественные галереи. Я если бы имела такую возможность, каждую неделю туда ходила. А, ещё, в театры...

– Хорошо-хорошо, не задавайся, а лучше объясни, я и пойму чем художник отличается от живописца. – Совершенно не воинственно попросила Анечку дочь.

– Видишь ли, можно грамотно и технично писать и живопись и рассказ, но, ни, то не другое не станет интересно и нужно людям. А знаешь почему? Потому, что в подобных «творениях» как правило, отсутствует главное качество настоящего произведения – душа автора, его нерв и боль. А присутствует только безупречная голая техника, которой недостаточно, чтобы заставить учащённо забиться чьё-то сердце. Вот живописцу, то есть умелому ремесленнику хватает одной техники, а художника без души не существует. У Владимира Семёновича Высоцкого есть такая строчка. Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души. Понимаешь?

– Понимаю. – Как-то грустно вздохнула Ленка. – Я пятка-

ми по лезвию не хожу, значит, писательница из меня не выйдет... Слушай, пап, а может мне в рок-музыканты податься?

– Подайся, только и музыки без души не существует. Ты это отлично знаешь. – Рассмеявшись, согласился я. – Но сначала, пожалуйста, закончи школу.

– Закончу. Я себе уже в Архангельске и школу выбрала рядом с нашим домом.

– С каким таким нашим домом?.. Ты знаешь наш дом!?!.. Тебе известен адрес!?! – Удивились мы с Анечкой.

– Ну да. А чего в этом такого сложного. Я нашла на Марика – а ты папочка хорошо знаешь, если я чего захочу всегда добиваюсь – он мне адрес и выложил. Я в интернете и выбрала школу рядом с домом.

– А кто тебе сказал, что ты едешь с нами? Я пока ещё ничего не решил. – С наигранной строгостью заметил я.

Ленка порывисто вскочила, пересела, протиснулась между мной и Анечкой, обняла нас и лукаво и в тоже время как-то очень серьёзно ответила:

– Брось, папочка, никуда вы от меня не денетесь. Даже не мечтайте. В семье должен быть хотя бы один нормальный человек.

– А мы, по-твоему, ненормальные? – Рассмеялся я.

– Да, папочка, если честно, вы не совсем нормальные челы. Вы с Анечкой ходите босые по лезвию ножа. Только вы можете всё бросить и уехать к чёрту на кулички. Согласись папочка, ведь никто из твоих друзей и знакомых в Архан-

гельск не поехал бы. Даже за очень большие деньги.

– Наверное, нет. – Честно ответил я дочери.

– То-то же... И я дура с вами. Мне, что в Москве плохо? –

Вздыхнула Ленка.

– Леночка, ты можешь остаться с бабушкой. Ещё не поздно. А документы можно сдать в школу рядом с бабушкиным домом. – Предложила Анечка.

– Нет, Анечка, я с вами уеду. Даже не упрашивайте... Хотя, на самом деле, что-то мне совсем не весело. Как там всё сложится в Архангельске? На этом севере. В новой школе. С новыми ребятами.

Анечка обняла Ленку и как-то очень-очень уверенно, словно ясно видела будущее, сказала.

– Моя бабушка говорит, будет день, будет и пища. Всё у тебя..., у нас Леночка впереди сложится замечательно. Ведь, самое главное, мы вместе. И север тебе понравится, ещё и уезжать не захочешь.

– Верно, – поддержал я Анечку, – впереди девочки мои нас ждёт прекрасное будущее, счастливая жизнь. Это я вам твёрдо обещаю.

Девчонки прижались ко мне, обняли, и я почувствовал себя самым счастливым человеком. Потому что счастье быть любимым, невозможно купить ни за какие сокровища планеты, звёздной системы, Галактики, Вселенной.

Муза

– Она была с вами?.. Была? Чего молчите?

– Чувак, какая разница. Была, не была...

– Что, что ты сказал Жанно!? Тебе это безразлично? А мне нет! Понимаешь, нет! Вы с ней были!.. Вы мне не друзья. Вы гады. Предатели. Иуды.

– Ал, мы ни в чём не виноваты перед тобой. И ты это отлично понимаешь и напрасно бесишься.

– Тося, вы не виноваты!? Вы не виноваты! А кто виноват? Она?

– Нет. И она не виновата. Ал, она просто такое существо. Ты не должен ревновать её, тем более осуждать. Не её вина в том, что она создана не только для тебя. Она дарит счастье всем. Понимаешь, всем кто не может жить без неё... Нет, можно прожить и без неё. Бесспорно. Но это станет совершенно другая жизнь. Серая, пресная, скучная. Не мне объяснять тебе это... Да, с ней у нас было. Изредка бывает. Это верно. Но с ней у нас просто было бывает. Понимаешь? А ТЕБЯ ОНА ЛЮБИТ. ТЫ ЕЁ ИЗБРАННИК... Знаешь, брат я хотел бы, чтобы она любила меня хотя бы в десятую долю так же как тебя. Я стал бы самым счастливым человеком во Вселенной... И, знаешь, меня совершенно не волновало бы, что у неё бывает ещё с кем-то кроме меня...

– Виль, ты это серьёзно?

– Уходи. Я же сказал, чтобы ты не приходила!

Его трясло – он с трудом выдавливал звук за звуком, пока они не складывались в слова, а ей всё казалось нипочём. Она слушала его и смеялась. Смеялась звонко весело беззаботно. Невыносимо весело и беззаботно. И Аду захотелось ударить её. Нет, вмазать со всей дури... Нет, вогнать длинную предлинную очередь. Так чтобы её прекрасное божественное бесконечно кайфовое..., нет, дьявольское искустительное тело превратилось в кровавое месиво...

Муза, не обращая внимание на его агрессивное настроение присела на кровать нежно посмотрела ему в глаза и ласково, как это умеет делать только она скользнула своими офигительными пальчиками по его лбу, носу, губам, подбородку. Но теперь это её прикосновение сделалось ему неприятно омерзительно, и он откинул голову от её руки так, что голова впечаталась в подушку больно стукнувшись затылком о деревянную спинку кровати.

– Убирайся прочь! Па-ш-ла в-о-н! Тварь!

Взвыл он. Он был на грани истерики.

– Любимый мальчик, ну прекращай. Мне это не нравится.

Ты переходишь все границы приличия.

Ласково, и, в то же время как-то по-взрослому с укором произнесла она. И он взорвался.

– П-Ш-ЛА В-В-В-О-Н! С-СУКА!! Ш-Ш-ШЛЮХА!!!

БЛЯДЬ!!!!

– Ну, всё, малыш, прекращай, или я рассержусь по-настоящему, и ты меня действительно больше никогда не увидишь. Ты меня знаешь. Я не люблю тебя, когда ты ведёшь себя подобным образом... И, потом, где ты набрался такого «изыска»? Вероятно от своих продвинутых дружков-офицеров. Чувствуется их «высокоинтеллектуальный» солдафонский казарменно – бордельный лексикон... Любимый мальчик это не твоё. Оно не идёт тебе. Это для серых тупых бездарных ничтожеств. Никогда не произноси эту мерзость...

Она говорила, а сама, вспорхнула с постели и принялась медленно раздеваться. Сбросила туфли. Сняла шортики. Аккуратно сложила их и повесила на спинку стула. Сняла трусики..., аккуратно положила их на шорты. Прошлёпала к холодильнику. Достала запотевшую бутылку минералки. Налила воду в чашку. Долго пила её маленькими неторопливыми глотками, перемежая их словами. А он смотрел на её освещенное солнцем загорелое тело и не мог оторвать взгляда от божественных умопомрачительных ножек. Дивной бесподобной аппетитной попки. Дразнящее выглядывающего из-под короткой маечки животика с красиво намеченным рельефом мускулов. Заросшей негусто, как-то кокетливо рыжеватыми кудряшками волосиков «дельты» – соединения животика и ножек...

Он почувствовал, как его мирно спящий до этого «pencil» начинает просыпаться и принимать привычную при виде её

голого тела форму и «боевую стойку»...

Она сняла майку, обнажив остальную часть тела – офи-
генную грудь с несравненными восхитительными так им лю-
бимыми сосочками... И он погиб. Эта тварь победила, раз-
давила его. Смяла. Распяла... Грязная девка! Сука кончен-
ная! Похотливая шлюха...

Она аккуратно сложила маечку и положила её на трусики.
– Ал, я приму душ, ты за мной.

Теперь уже привычным тоном безапелляционно и пове-
лительно произнесла она и скрылась в ванной. А он остался
в этой грёбанной комнате с таким ощущением, словно его
лишили девственности...

* * *

Он теперь совсем не ко времени вдруг вспомнил их пер-
вое знакомство на том, таком далёком и таком памятном ба-
лу...

У него тогда только намечался роман с Анечкой. Он ещё
не успел её отъе... меть, но всё шло к этому, и должно было
закончиться логическим завершением в постели именно по-
сле бала.

...Сэйшэн был в самом разгаре и развивался своим че-
редом плавно перетекая из фазы официально – скованной
в раскачегаренно – развязную. Его друзья мало-помалу раз-
бредлись. Антоха «склеил» неплохую девочку с историческо-

го и, кажется, успел её трахнуть. Девчонка смотрела на То-сю такими влюблено-вожделенными глазами, и, вроде хотела ещё. Но это врядли. Для феноменально ленивого Антохи и один «заход» подвиг. Этому гипертрофированному интроверту получившему своё теперь сделалось совершенно наплевать на «тех, кого мы приручили». Жаль девочку... Жанно с пафосом жестикулируя, декламировал что-то забойно-драйвовое из классики «тяжёлого рока» поэзии миленькой очень серьёзной и совершенно трезвой девочке «воткнуть» которой у мудака Ваньки шансов в тот вечер небыло никаких. Виль «тёр» нечто глубокомысленно-скучное в кругу изрядно поддатых преподав и профессоров, внимавших Глисте с неподдельным интересом...

Ал с прилично «подкочегаренной» Анечкой нашли укромный тёмный уголок за колонной у противоположной от импровизированного бара стены. Подальше от сотрясающегося в грохочущем забойном дискотечном ритме танцпула. И он, покрывая её лицо горячими нетерпеливыми страстными поцелуями расстегнув её блузку одной рукой «изучал» её прелестную грудь, другой пытался залезть ей в трусики, подбираясь к её такому желанному бугорку. Анечка тоже без дела не пребывала – одной ручкой «активной обороной» отражала его стремительное наступление, дабы не допустить его шаловливую ручонку к заветной цитадели», другой же в весьма неудобной позе силилась расстегнуть молнию его

штанов и добраться до уже начинающего активироваться агрегата...

Неожиданно что-то произошло...

Сначала ему показалось, что завязалась драка. В зале наметилось некое движение, волнение. Волнение зародилось где-то вдалеке, возле дверей и, усиливаясь, передвигалось в сторону танцпула. Вот из соседней аудитории, служившего в этот вечер столовой, навстречу действу резво проскакали профессора словесности и истории...

Действие перемещалось к их убежищу... и к барной стойке в окружении внушительной свиты почитателей, преподав и профессоров прошествовал сам МЭТР под руку с НЕЙ...

Музу он встречал и раньше – девочка «мелькала в кадре». Но весь семестр, поглощённый по самые уши учёбой, точнее ликвидацией бесконечных задолженностей и хвостов он как-то не успел по-настоящему разглядеть её. Да, и если честно та Муза-студентка значительно отличалась от этого существа... Впрочем, Музу в спутнице ГРАНДА он узнал не сразу. В первое мгновение ему показалось, что старик ведёт под руку принцессу царицу богиню – юную Гебу.

...Они шли, нет, величественно шествовали через почти-тельно расступившуюся толпу. БОГ и БОГИНЯ. ЗЕФС и АФРОДИТА. По-своему красивый высокий крепкий художавый старик и прекрасная нимфа грация муза... Он что-то

такое весёлое говорил ей – богиня смеялась. Смеялась, естественно свободно совершенно не стесняясь шедшего рядом с ней «небожителя»... Она тоже рассказывала что-то весёлое, и «олимпиец» хохотал, откидывая назад свою красивую голову с зачёсанной назад седой хипповской гривой.

В первое мгновение Алу показалось, что богиня обнажена – на Музе в тот вечер было облегающее её чудесную фигуру клубное платье телесного цвета такого микроскопического размера и максимальной открытости, что практически ничего не скрывало. Ни её офигительную грудь с рельефно выделяющимися под тонкой тканью сосками, ни аппетитно обозначенный крошечный треугольничек (вероятно полупрозрачных) трусиков с угадывающимся (темнеющим) под тканью треугольничком волосиков, ни дивные длинные ножки, обтянутые сапожками на таких высоченных каблучищах что казалось девочка не идёт, парит...

ЗЕФС и АФРОДИТА подошли к барной стойке и что-то заказали... АФРОДИТА присела на стул забросила ногу за ногу так, что платье уже практически ничего не скрывало и Ал почувствовал, что его аппарат начинает дымиться, требуя выхода своей термоядерной энергии...

– Пойдём, я знаю здесь недалеко открытую аудиторию. – В страстном предвкушении «предстоящего действия» нетерпеливо прошептала Анечка, и они пошли, точнее, понеслись туда.

Когда они мокрые и измочаленные вернулись через весь-
ма продолжительное время в зал, там происходило нечто.
Все собрались в круг и галдели точно на перемене...

– Француз, у тебя какой номер?

Услышал Ал голос однокашника Петьки, к сестре которо-
го Катеньке не ровно дышал без всякой перспективы разви-
тия и не сразу сообразил, что обозначает этот номер. Потом
догадался – номер пригласительного билета. Ал достал би-
лет и увидел три разноцветные семёрки...

– Друзья! – Восторженно возгласил поставленным голо-
сом ведущий этого балаган. – Наконец-то нашёлся тот счаст-
ливчик, которому выпала честь, нет, блаженство выбрать ко-
ролеву нашего бала...

Сотни девушек... и, самое главное, Анечка! с вожделени-
ем и надеждой смотрели на него, но Ал (в душе проклиная
себя за предательство) игнорируя её и их внимание, подошёл
к Музе. Мужская часть бала взорвалась диким и неподдель-
ным восторгом. Умненькие университетские девочки благо-
пристойно промолчали...

МЭТР подал ему корону, и он пристав на цыпочки водру-
зил её на склонённую головку Королевы. Королева очарова-
тельно улыбнулась ему и клюнула в щёку, оставив на ней ед-
ва заметный сладковато пахнувший отпечаток помады... По
окончанию «официальной церемонии» восторженная толпа
оттеснила Ала от Королевы. Он огляделся, ища Анечку, го-
товый любыми средствами вымолить прощение, но её в зале

не оказалось... Удивительно, ты не успеешь ещё толком завязать и закрепить отношения с девочкой, как она начинает тебя ревновать и выписывать дурацкие фортеля... Грёбанная церемония награждения...

– Ты свободен? Пойдём что-нибудь попьём. Здесь так жарко.

Услышал он за спиной её голос и почувствовал, как сердце бешено затрепетало, стремясь покинуть свою темницу и выбраться на волю – к ней... Они прошествовали к барной стойке и толпа почтительно, как некоторое время назад с мэтром расступалась, пропуская их....

– Я тебя знаю. Ты выкладываешь свои вещи на университетском сайте. Многие из них классные. Они мне нравятся. Правда, правда. – Как-то очень тепло произнесла она. А он обкумаренно – зачарованно смотрел, как она мелкими глотками пьёт холодную минералку, поднося бокал к обворожительным пленительным, таким желанным губкам. – Мне очень понравилась твоё посвящение некой «Ка». Но тебе с этой девочкой ничего не светит. – Он удивлённо вскинул брови, Муза утвердительно мотнула своей божественной головкой. – Она теперь безнадёжно увлечена своим учителем, известным художником... Понимаешь, ей не суждено разглядеть тебя. Она хороший живописец, но не художник, умненькая миленькая девочка, и не больше... Знаешь, я была бы самым счастливым существом на свете, если бы ты по-

святил мне подобное... Честно. Ты же напишешь что-нибудь для меня!?

Утвердительно – вопросительно произнесла она и посмотрела ему в глаза так, как никогда не смотрела ни одна девочка. В этом взгляде было всё. Вся вселенная. Весь макрокосм чувств...

– Пойдём, подышим воздухом. Здесь чудовищно жарко. – Предложила Муза. Он не мог поверить услышанному! И они тесно прижавшись друг к другу покинули актовый зал и отправились дышать воздухом.

Сначала они «дышали воздухом» в той самой аудитории, где совсем недавно он «дышал воздухом» с Анечкой. И где ещё до конца не выветрился запах их горячих тел, их страсти, их извержений...

Потом они «дышали воздухом» в лаборатории на первом этаже, от которой у неё так своевременно оказался ключ. Потом пытались «дышать воздухом» в такси по дороге в общагу.

Правда, суровый таксист эту попытку пресёк самым решительным и безоговорочным образом.

В общаге они «дышали воздухом полной грудью во всю силу их молодых лёгких». Так бешено дико неистово страстно ирреально восхитительно волшеббно кайфово он не «дышал воздухом» ни с одной девочкой. Они так «надышались воздухом» что когда Муза ушла, он тотчас свалился замертво.

Утром Ал не смог отправиться на занятия – не было на всей необъятной планете силы способной его разбудить. Впрочем, даже если бы такая сила нашлась, проку от этого стало немного – он совершенно не мог двигаться. Даже несколько шагов до туалета и обратно давались ему с невероятным трудом и отзывались в измученном аппарате невыносимой болью...

* * *

– Ал, любимый, что с тобой? Ты спишь, заболел?

Услышал он её встревоженный голос и открыл глаза.

– Мальчик мой, как же ты меня напугал. – Нежно-нежно, как это умеет произносить только она, прошептала Муза, и, склонившись над ним, упоительно – кайфово поцеловала в губы. – А теперь ступай, прими душ.

Повелительно приказала она, и он покорно отправился в ванную. И теперь напрочь исчезла ненависть к ней. И душу заполнило СЧАСТЬЕ. Огромное. Безграничное. Словно галактика, вселенная, космос счастье. И телом завладела сладкая истома предвкушения предстоящего блаженства...

День ушёл. Его сменил вечер. За ним пришла ночь. Они не замечали этого. Время в привычном представлении для них перестало существовать. Словно в нарушении всех фундаментальных законов науки оно остановилось. Замерло.

Трансформировалось в сменяемую череду дикого сплетения тел. Страсти. Неистовства. Восторга. Блаженства «последних содроганий». И сладостной расслабухи короткого отдыха. Нежности. Ласк. Поцелуев. И желанных пьянящих слов...

В этой жалкой общаговской комнате царило их время. Время бесконечной упоительной волшебной любви. А обыкновенное будничное ординарное время осталось там, за порогом их комнаты...

* * *

...Он проснулся глубоким утром. Её не было. Удивительно, она всегда уходит, когда он спит и порой ему кажется, что её и вовсе нет, не существует. Что это он сам придумал Музу в своих волшебных снах и оживил силой своего воображения, как некогда античный царь и скульптор силой своей любви оживил холодный мрамор, даровав жизнь Галатее...

Иногда ему кажется, что он знает её взгляд, восхитительную улыбку бесконечно давно, откуда-то из далёкого детства. Помнит каким-то смутным полузабытым уютным тёплым и счастливым воспоминанием... Помнит и в более позднем возрасте...

Ему тогда, было четырнадцать. Стояла золотая осень. Он сидел после занятий один в дальней ротонде...

«Я один в беседке с нею».

И думал о милой Наташе...

«Вижу... девственну лилею».

Нет, он не просто думал о Наташе, он представлял...

«Трепещу, томлюсь, немею...».

Он представлял себя с ней. И в этих чудесных грёзах перемежаемых рифмами он, высокий, красивый как Аполлон был безоговорочно, пламенно, страстно любим ею... Нет, Наташа сгорала от любви к нему. И вот она, эта дивная восхитительная несравненная желанная Талия...

Его сладостные видения разрушили ворвавшиеся откуда-то извне голоса... По парку направлением к ротонде шла группа девочек..., девушек, нимф, харит. Незнакомых. Старше его. Девушки весело о чём-то разговаривали. Он замер, моля Всевышнего, что бы они его не заметили. Девушки действительно не заметили его маленькую фигурку в густо заросшей высоким кустарником ротонде. А он не мог оторвать взгляда от одной девушки. Странно, но теперь, столько лет спустя он не помнит её облик, лицо. Помнит лишь глаза. Их тёплый, ласковый взгляд. Такой же, как и у Музы, когда она смотрит на него... Он даже теперь помнит то своё давнишнее ощущение испуга, нет паники, страха от того, что его убежище будет раскрыто... Но это не произошло. Девушки прошли мимо. Та девушка из далёкого – близкого невозвратного отрочества уходила со своими спутницами. Уходила прочь. А он зачарованно наблюдал, как она изуми-

тельно кайфово, возбуждающе переставляет одну за другой свои прелестные умопомрачительные ножки, едва прикрытые короткой юбочкой, и чувствовал как его «реп» оживает. Оживает так же, как и при мыслях о Наташе... Неожиданно девочка на короткое мгновение остановилась, обернулась в его сторону... и послала воздушный поцелуй. Тогда он едва не умер от проникшего в самую глубину души нереального неземного взгляда её колдовских волшебных чудных искусительных желанных глаз...

Эти глаза он не раз видел и позже... Видит и теперь...

Их отношения нельзя назвать обычными и единственное слово, которое к ним подходит в полной мере – странные. Они не встречаются в привычном понимании этого слова как другие пары. Не ходят вместе на занятия, не гуляют, не посылают друг другу эсмэски, ни торчат в контакте, не оттягиваются в клубе, не строят общие планы... Она просто приходит к нему. Приходит, как правило, неожиданно, порой не вовремя, не к месту... А он всегда ждёт её прихода. Ждёт, сгорая в предвкушении того кайфа, который она дарит ему. И нет во всём подлунном мире кайфа желанней, сладостней, чем её приход... Она появляется и мир меняется. Становится ярким, красочным, тёплым, бесконечно счастливым. «Мой любимый мальчик» нежно произносит она, и он тонет в этих словах, словно малое судёнышко в безбрежном океане. И эти несколько безмерно упоительных дурма-

нящих слов заполняют всё вокруг, наполняя всю его душу целиком, без остатка дивным сказочным неземным сиянием, безграничной энергией и жадой созидания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.